

18+

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ

Книга I

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Великие судебные речи
обвинения и защиты

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Алексей Мелков

**Лучшие ораторские
речи. Древняя Греция**

«Издательские решения»

Мелков А.

Лучшие ораторские речи. Древняя Греция / А. Мелков —
«Издательские решения»,

В книге разбираются лучшие ораторские речи Древней Греции дошедшие до нас. Удивительные своей логичностью краткие смысловые цитаты, когда формулировка древнего текста особенно важна. Имеется и вольная передача содержания: мы сохраняем ход мысли и аргументы. Создаем авторскую литературную реконструкцию: сцена и речь создаются на основе исторического памятника. Нас интересует механизм убеждения: как говорящий завоевывает право быть услышанным; как превращает частную беду в вопрос справедливости.

© Мелков А.

© Издательские решения

Содержание

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ	7
СОДЕРЖАНИЕ	9
ГЛАВА I. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕРОДА	11
ГЛАВА II. НОЧНОЕ УБИЙСТВО НА ДОРОГЕ	12
ГЛАВА V. ЯД В ЧАШЕ	14
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ IX	19
АНТОЛОГИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ	20
ОТ АВТОРА	22
КАК СУДИЛИ В АФИНАХ	23
Судьи-граждане	24
Кто говорил	25
ТЕ, КТО ПИСАЛ РЕЧИ ДЛЯ ДРУГИХ	26
Логограф — невидимый адвокат слова	27
ГЛАВА I. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕРОДА	28
ГЛАВА II. НОЧНОЕ УБИЙСТВО НА ДОРОГЕ	30
Антифонт. Первая тетралогия	30
ГЛАВА III. СМЕРТЬ ОТ БРОШЕННОГО КОПЬЯ	32
Антифонт. Вторая тетралогия	32
ГЛАВА IV. ДРАКА, УДАР И СМЕРТЬ	34
Антифонт. Третья тетралогия	34
ГЛАВА V. ЯД В ЧАШЕ	35
ГЛАВА VI. СМЕРТЬ ХОРИСТА	37
ГЛАВА VII. ТАЙНА МИСТЕРИЙ И РАЗБИТЫЕ ГЕРМЫ	38
ГЛАВА VIII. МИР ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	42
Исократ. «Против Каллимаха»	42
ГЛАВА IX. БАНКИР ПАСИОН И ИСЧЕЗНУВШИЙ ВКЛАД	44
ГЛАВА X. НАСЛЕДСТВО НА ЭГИНЕ	46
ГЛАВА XI. МУЖ, ЛЮБОВНИК И ЗАКОН	48
ГЛАВА XII. СТЫД, РЕВНОСТЬ И ПЬЯНАЯ ДРАКА	52
Лисий. «Против Симона»	52
ГЛАВА XIII. БРАТ, КОТОРОГО УВЕЛИ ТРИДЦАТЬ	54
Лисий. «Против Эратосфена»	54
ГЛАВА XIV. ДОНОСЧИК АГОРАТ	58
Лисий. «Против Агората»	58
ГЛАВА XV. ХЛЕБ, ЦЕНА И СТРАХ ГОЛОДА	60
ГЛАВА XVI. БЕДНЫЙ ИНВАЛИД ПРОТИВ БДИТЕЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА	62
Лисий. «О лишении пособия»	62
Лисий. «Против Диогитона»	64
ГЛАВА XVIII. ДОСТОИН ЛИ ЧЕЛОВЕК СТАТЬ ЧЛЕНОМ СОВЕТА	66
Лисий. «Против Филона»	66
ГЛАВА XIX. ЗАВЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ УМЕРШИЙ ХОТЕЛ ОТМЕНИТЬ	68
Исей. «О наследстве Клеонима»	68
ГЛАВА XX. УСЫНОВЛЁННЫЙ СЫН	71
Исей. «О наследстве Менекла»	71

ГЛАВА XXI. БЫЛА ЛИ У КИРОНА ДОЧЬ?	73
Исей. «О наследстве Кирона»	73
ГЛАВА XXII. ЮНОША ПРОТИВ ОПЕКУНОВ	76
Демосфен. «Против Афоба»	76
ГЛАВА XXIII. ИЗБИЕНИЕ НА АГОРЕ И КРИК ПЕТУХА	79
Демосфен. «Против Конона»	79
ГЛАВА XXIV. ПОЩЁЧИНА НА ПРАЗДНИКЕ ДИОНИСА	81
Демосфен. «Против Мидия»	81
ГЛАВА XXV	84
СОХРАНИВШАЯСЯ РЕЧЬ ОБВИНИТЕЛЯ —	85
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕДАЧА	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЗИЦИИ ЗАЩИТЫ	87
ГЛАВА XXVI	88
ПОСОЛ, КОТОРОГО ОБВИНИЛИ В ПРОДАЖЕ ГОРОДА	88
РЕЧЬ ОБВИНЕНИЯ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕДАЧА	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лучшие ораторские речи. Древняя Греция

Алексей Мелков

© Алексей Мелков, 2026

ISBN 978-5-0071-1096-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ

Книга I. Древняя Греция

Великие судебные речи обвинения и защиты

Художественная реконструкция Афин классической эпохи. Не является историческим источником.

Автор-составитель: Мелков Алексей Валерьевич
Авторская редакция №1
2026

© Мелков Алексей Валерьевич, 2026

Автор-составитель: Мелков Алексей Валерьевич
Серия «Лучшие ораторские речи». Книга I. Древняя Греция.
Авторская редакция №1.

Все права на авторский текст, литературную обработку, комментарии, структуру и состав издания защищены.

Античные первоисточники находятся в общественном достоянии. Литературная передача речей выполнена для настоящего издания и не является воспроизведением современного защищённого перевода.

Музейные и археологические изображения используются только при наличии разрешённой лицензии или статуса Public Domain; художественные реконструкции обозначены в подписях.

ISBN присваивается при публикации через издательский сервис.

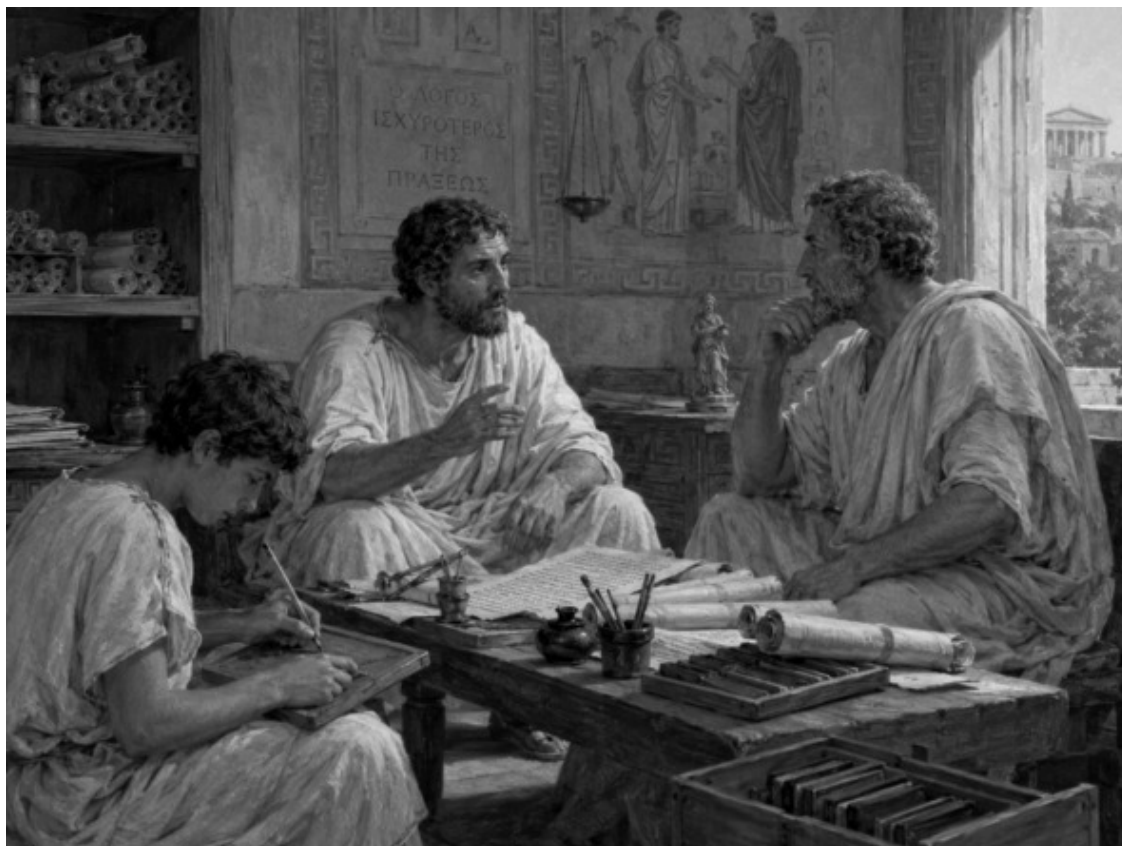
СОДЕРЖАНИЕ

КАК СУДИЛИ В АФИНАХ

Художественная реконструкция судебного выступления в Афинах. Не является историческим источником.

ТЕ, КТО ПИСАЛ РЕЧИ ДЛЯ ДРУГИХ

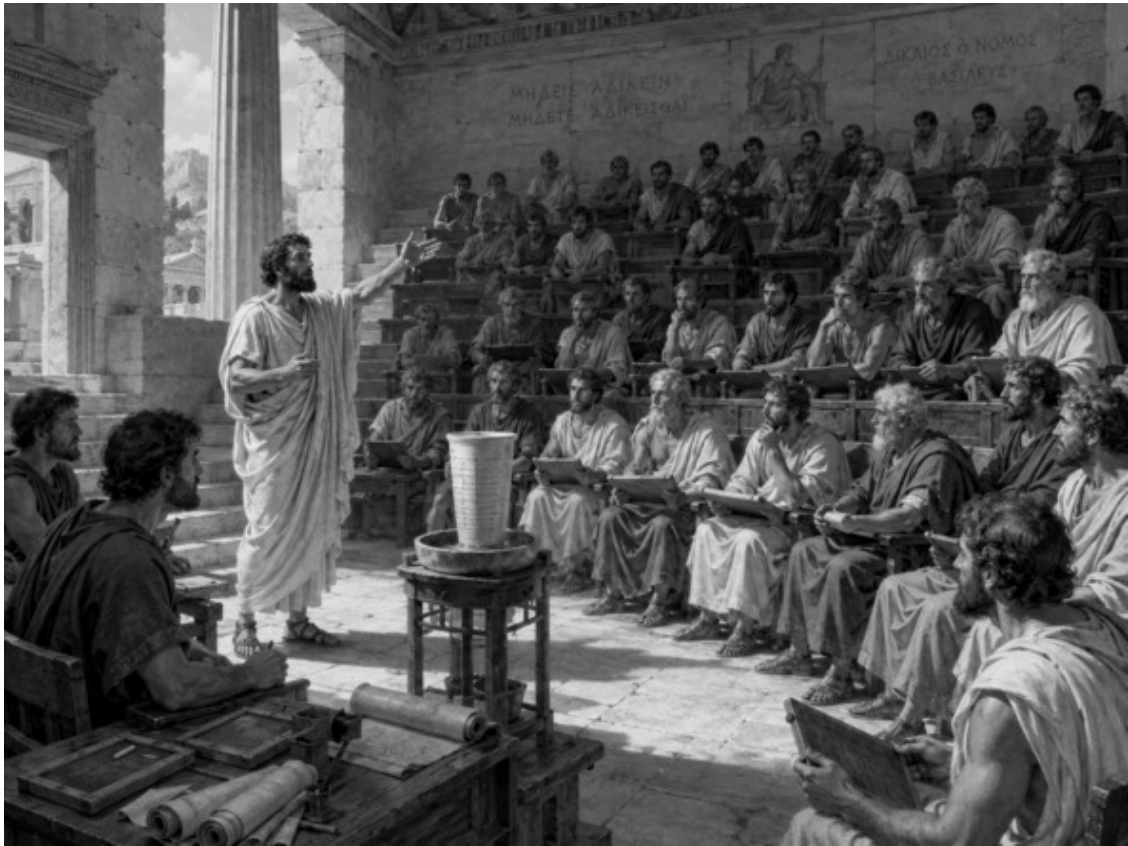
Художественная реконструкция работы логографа и писца. Не является изображением конкретной мастерской.

ГЛАВА I. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕРОДА

Художественная реконструкция городской среды классических Афин. Не является точным видом V века до н. э.

ГЛАВА II. НОЧНОЕ УБИЙСТВО НА ДОРОГЕ

Художественная реконструкция суда с клепсидрой. Не является изображением конкретного процесса.

ГЛАВА III. СМЕРТЬ ОТ БРОШЕННОГО КОПЬЯ

ГЛАВА IV. ДРАКА, УДАР И СМЕРТЬ

Художественная реконструкция судебного собрания у Акрополя. Не является изображением конкретного суда.

ГЛАВА V. ЯД В ЧАШЕ

Художественная реконструкция письменной культуры античного мира. Греческий текст на изображении не является рукописью речи Антифонта.

ГЛАВА VI. СМЕРТЬ ХОРИСТА

ГЛАВА VII. ТАЙНА МИСТЕРИЙ И РАЗБИТЫЕ ГЕРМЫ

Художественная реконструкция каменных надписей среди античных руин. Надписи не воспроизводят конкретный судебный документ.

ГЛАВА VIII. МИР ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА IX. БАНКИР ПАСИОН И ИСЧЕЗНУВШИЙ ВКЛАД

ГЛАВА X. НАСЛЕДСТВО НА ЭГИНЕ

ГЛАВА XI. МУЖ, ЛЮБОВНИК И ЗАКОН

ГЛАВА XII. СТЫД, РЕВНОСТЬ И ПЬЯНАЯ ДРАКА

ГЛАВА XIII. БРАТ, КОТОРОГО УВЕЛИ ТРИДЦАТЬ

ГЛАВА XIV. ДОНОСЧИК АГОРАТ

ГЛАВА XV. ХЛЕБ, ЦЕНА И СТРАХ ГОЛОДА

ГЛАВА XVI. БЕДНЫЙ ИНВАЛИД ПРОТИВ БДИТЕЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА

ГЛАВА XVII. ОПЕКУН, КОТОРЫЙ ПОКАЗАЛ ДЕТЯМ СЧЕТА ВМЕСТО НАСЛЕДСТВА

ГЛАВА XVIII. ДОСТОИН ЛИ ЧЕЛОВЕК СТАТЬ ЧЛЕНОМ СОВЕТА

ГЛАВА XIX. ЗАВЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ УМЕРШИЙ ХОТЕЛ ОТМЕНИТЬ

ГЛАВА XX. УСЫНОВЛЁННЫЙ СЫН

ГЛАВА XXI. БЫЛА ЛИ У КИРОНА ДОЧЬ?

ГЛАВА XXII. ЮНОША ПРОТИВ ОПЕКУНОВ

ГЛАВА XXIII. ИЗБИЕНИЕ НА АГОРЕ И КРИК ПЕТУХА

ГЛАВА XXIV. ПОЩЁЧИНА НА ПРАЗДНИКЕ ДИОНИСА

ГЛАВА XXV

ГЛАВА XXVI

ГЛАВА XXVII

ГЛАВА XXVIII

ГЛАВА XXIX

ГЛАВА XXX
ГЛАВА XXXI
ГЛАВА XXXII
ГЛАВА XXXIII
ГЛАВА XXXIV
ГЛАВА XXXV
ГЛАВА XXXVI
ГЛАВА XXXVII
ГЛАВА XXXVIII
ГЛАВА XXXIX
ГЛАВА XL
ГЛАВА XLI
ГЛАВА XLII
ГЛАВА XLIII
ГЛАВА XLIV
ГЛАВА XLV
ГЛАВА XLVI
ГЛАВА XLVII
ГЛАВА XLVIII
ГЛАВА XLIX
ГЛАВА L
ГЛАВА LI
ГЛАВА LII
ГЛАВА LIII
ГЛАВА LIV
ГЛАВА LV
ГЛАВА LVI
ГЛАВА LVII
ГЛАВА LVIII
ГЛАВА LIX
ГЛАВА LX
ГЛАВА LXI
ГЛАВА LXII
ГЛАВА LXIII
ГЛАВА LXIV
ПОСЛЕСЛОВИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ I
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ II
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ III

Художественная реконструкция стола переписчика. Папирусы и таблички показаны как образ письменной культуры, а не как оригиналы конкретных речей.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ IV
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ V
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ VI
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ VII
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ VIII

Художественная реконструкция греческих каменных надписей. Не является факсимиле конкретного закона.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ IX

АНТОЛОГИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ

Художественная реконструкция античного судебно-риторического спора. Не является изображением конкретных исторических лиц.

РЕЧЬ I

РЕЧЬ II

3. АНДОКИД. «О МИСТЕРИЯХ»
4. ЛИСИЙ. «ПРОТИВ ЭРАТОСФЕНА»
5. ИСОКРАТ. «ТРАПЕЗИТИК» — СПОР С БАНКИРОМ
6. ДЕМОСФЕН. «О ЛОЖНОМ ПОСОЛЬСТВЕ»
7. ЭСХИН. «О ПОСОЛЬСТВЕ»
8. ЛИКУРГ. «ПРОТИВ ЛЕОКРАТА»
9. ЭСХИН. «ПРОТИВ КТЕСИФОНТА»
10. ДЕМОСФЕН. «О ВЕНКЕ»
11. ГИПЕРИД. «ПРОТИВ АФИНОГЕНА»
12. ЛИСИЙ. «ПРОТИВ ДИОГИТОНА»
13. ЛИСИЙ. «ОБ ОТКАЗЕ В ПЕНСИИ»
14. ИСЕЙ. «О НАСЛЕДСТВЕ КИРОНА»
15. ДЕМОСФЕН. «ПРОТИВ АФОБА»
16. ЭСХИН. «ПРОТИВ ТИМАРХА»
17. ДЕМОСФЕН. «ПРОТИВ МИДИЯ»
18. ГИПЕРИД. «В ЗАЩИТУ ЕВКСЕНИППА»
19. ГИПЕРИД. «ПРОТИВ ДЕМОСФЕНА»

20. ПЛАТОН. «АПОЛОГИЯ СОКРАТА»
 21. ЛИСИЙ. «ПРОТИВ СИМОНА»
 22. ЛИСИЙ. «ПРОТИВ ХЛЕБНЫХ ТОРГОВЦЕВ»
 23. ИСОКРАТ. «ЭГИНСКАЯ РЕЧЬ»
 24. ИСЕЙ. «О НАСЛЕДСТВЕ МЕНЕКЛА»
 25. ДЕМОСФЕН. «ПРОТИВ КОНОНА»
 26. ГИПЕРИД. «В ЗАЩИТУ ЛИКОФРОНА»
 27. ДЕМОСФЕН. «ПРОТИВ ДИОНИСОДОРА»
 28. ДЕМОСФЕН. «ПРОТИВ ЕВБУЛИДА»
 29. ДЕМОСФЕН. «ПРОТИВ ПАНТЕНЕТА»
 30. ИСЕЙ. «О НАСЛЕДСТВЕ ПИРРА»
 31. ДИНАРХ. «ПРОТИВ ДЕМОСФЕНА»
 32. «ПРОТИВ НЕЭРЫ»
- ЗАВЕРШЕНИЕ АНТОЛОГИИ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
ОСНОВНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ
РЕКОМЕНДУЕМАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПРИНЦИПЫ ИЛЛЮСТРИРОВАНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
ОБ ИЗДАНИИ
КОНЕЦ КНИГИ I

ОТ АВТОРА

Судебная речь родилась не тогда, когда человек впервые научился обвинять другого. Она родилась тогда, когда обвинения стало недостаточно и понадобилось убеждение.

В Афинах классической эпохи судьбу гражданина нередко решали сотни других граждан. Перед ними нужно было за ограниченное время рассказать историю, объяснить закон, представить свидетелей, разобрать слова противника, показать собственный характер и оставить судьям ясную формулу решения. Отсчёт времени был виден буквально: вода уходила из клепсидры, и вместе с ней уходила возможность говорить.

Эта книга не является дословным переводом одного современного издания древних текстов. Там, где сохранилась античная речь, даётся новая русская литературная передача её аргументации, сверенная с древнегреческим корпусом и классическими научными изданиями. Там, где речь противоположной стороны не дошла, её возможная позиция обозначается только как реконструкция. Тетралогии Антифонта выделены особо: это учебные судебные модели, в которых один автор сознательно создал речи обеих сторон.

Главный предмет книги — не только то, что говорили древние. Нам важнее понять, почему их словам верили и чему их техника может научить современного судебного оратора.

КАК СУДИЛИ В АФИНАХ

Судьи-граждане

В афинском суде человек обращался не к профессиональному судье в современном смысле. Многие дела решались большими коллегиями граждан. Перед оратором находилась аудитория неоднородная: землевладельцы, ремесленники, торговцы, ветераны, люди с разным образованием и жизненным опытом. Поэтому хороший судебный текст должен был одновременно быть понятным простому слушателю и достаточно тонким, чтобы выдержать внимание искушённого.

Клепсидра: время, которое можно увидеть

В ряде афинских судебных процессов продолжительность выступления измерялась водой. Служитель наполнял клепсидру. Когда сторона начинала речь, отверстие открывали. Вода вытекала — время уменьшалось. Известный афинский сосуд вместимостью два хоя опорожнялся примерно за шесть минут. В зависимости от вида дела стороне могли предоставлять больший объём воды, а при чтении некоторых документов отсчёт приостанавливался.

Для конкретного процесса точный лимит известен далеко не всегда. Поэтому в этой книге число минут указывается только там, где оно исторически обосновано. В остальных главах клепсидра используется как достоверная деталь судебной культуры, но точное количество воды не выдумывается.

Кто говорил

Афинский участник процесса обычно говорил сам. Он мог заказать профессиональную речь, выучить её, отрепетировать и затем произнести от первого лица, но перед судьями стоял именно обвинитель, обвиняемый, истец или ответчик.

Поэтому фраза «речь Антифонта» или «речь Лисия» часто означает: текст написал великий логограф, а произнёс его клиент.

ТЕ, КТО ПИСАЛ РЕЧИ ДЛЯ ДРУГИХ

Логограф — невидимый адвокат слова

К профессиональному составителю судебных речей приходил человек, которому предстоял суд. Логограф выслушивал обстоятельства, выяснял, какие существуют свидетели и документы, чего боится клиент, что может сказать противник, какие законы нужно прочесть судьям. Затем он выстраивал теорию дела и писал выступление.

Но самое трудное начиналось после этого. Речь должна была принадлежать клиенту не только юридически, но и психологически. Бедняк не мог внезапно заговорить как учёный философ. Неопытный земледелец — как политический вождь. Молодой наследник — голосом старого государственного деятеля. Если судьи замечали слишком искусственную маску, доверие разрушалось.

Поэтому высшее мастерство логографа состояло в способности исчезнуть внутри чужого голоса.

Антифонт

Антифонт, живший приблизительно в 480—411 гг. до н. э., принадлежит к самым ранним великим мастерам профессиональной судебной речи. Античная традиция связывала его с искусством готовить выступления для других. В тетралогиях он выступает ещё и как педагог: один и тот же вымышленный процесс он заставляет увидеть глазами обвинителя и защитника.

Лисий

Лисий, приблизительно 445—380 гг. до н. э., превратил характер говорящего в особое оружие. Его клиент словно говорит естественно, просто, почти безыскусно. Но именно эта естественность тщательно рассчитана. Перед нами то честный домовладелец, то бедный инвалид, то человек, стыдящийся подробностей личного конфликта, то родственник погибшего.

Исократ

Исократ начинал с судебной логографии, а затем стал знаменитым учителем риторики. Его судебные тексты показывают, как частный имущественный спор превращается в стройное доказательство репутации и добросовестности.

Исей

Исей стал выдающимся специалистом по наследственным делам. Там, где спор кажется лабиринтом родства, усыновлений, приданого, завещаний и семейных обрядов, он превращает семейную историю в доказательственную систему.

Демосфен

Демосфен сам начал судебную карьеру с тяжбы против собственных опекунов, а затем писал частные речи для других. Позднее он станет великим политическим оратором, но ремесло логографа останется в его судебной технике: каждый слабый факт противника должен быть замечен, каждый возможный ответ — предугадан.

ГЛАВА I. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕРОДА

Антифонт. «Об убийстве Герода»

Время: приблизительно 421—416 гг. до н. э.; точная датировка спорна.

Кто говорит: обвиняемый митиленец, традиционно называемый Евкситеем.

Кто написал речь: Антифонт.

Сохранилась ли речь обвинения: нет.

Дело

Герод и молодой житель Митилены плыли во Фракию. Непогода вынудила путешественников остановиться и перейти на более защищённое судно. В ожидании продолжения пути стали пить вино. Ночью Герод покинул корабль и исчез. Тела не нашли.

Позднее родственники Герода обвинили его спутника в убийстве. В деле возникли показания раба, полученные под пыткой, кровь на судне, которая оказалась кровью животного, и письмо, будто бы связывавшее обвиняемого с преступлением.

Точный лимит времени этой речи неизвестен. Но перед говорящим существовала главная реальность афинского суда: его возможности убеждать были конечны.

Реконструкция позиции обвинения

Обвинение могло строиться просто: Герод был жив, оказался рядом с обвиняемым, ночью исчез, а затем появились сведения о причастности спутника. Раб под пыткой назвал его; обнаружилось письмо; Герод не вернулся и нигде не объявился. Родственники просили увидеть не отдельные случайности, а совокупность обстоятельств.

Сохранившаяся речь защиты — литературная передача

Афиняне!

Меня обвиняют в убийстве, но прежде чем решать, убийца ли я, спросите, доказано ли вообще то, что вам предлагают считать доказанным.

Я оказался рядом с Геродом не потому, что заманил его. Нас свела дорога. Непогода заставила остановиться. Мы перешли на другое судно. Если преступление было заранее задумано, каким образом я мог включить в свой замысел ветер, море и случайную остановку?

После исчезновения Герода я участвовал в поисках. Я отправлял людей за сведениями. Преступник старается уменьшить количество глаз; я увеличивал их.

Вы слышали о крови на судне. Но она оказалась кровью животного. Запомните не только это. Запомните, с какой поспешностью обычное обстоятельство было объявлено следом убийства. Сначала выбрали виновного, потом начали искать подтверждения. Справедливый суд должен двигаться наоборот: сначала доказательство, потом вывод.

Теперь раб. Его пытали. Сначала он не подтверждал обвинение. Затем, когда боль продолжалась, появились нужные слова. Что доказывает признание человека, если один ответ означает продолжение мучения, а другой обещает его прекращение? Прежде чем спрашивать, что он сказал, спросите, почему он это сказал.

Позднее этот человек отказался от обвинявших меня слов. А затем его умертвили. Если он был главным свидетелем, почему его не сохранили для суда? Почему вы должны верить голосу человека, которого невозможно спросить?

Мне показывают письмо. Но почему его не нашли при первом осмотре? Почему опасное сообщение понадобилось в письменной форме, если его содержание мог передать человек, уже посвящённый в тайну? Документ должен уменьшать сомнение. Этот документ его увеличивает.

Где тело Герода? Где бесспорное оружие? Где свидетель самого убийства? Я не утверждаю, что Герод жив. Я утверждаю: неизвестная судьба одного человека не является доказательством виновности другого.

Меня спрашивают: «Если не ты, тогда кто?» Я отвечу честно: не знаю. Но обязанность найти настоящего преступника лежит не на обвиняемом. Иначе всякое нераскрытое преступление можно завершить приговором тому, кто не сумел раскрыть его вместо суда.

Каков мой мотив? Что давала мне смерть Герода? Деньги? Имущество? Спасение от угрозы? Месть? Обвинение не показывает ясной причины.

Я понимаю подозрение. Но между «он мог сделать» и «он сделал» лежит пространство, которое должно быть заполнено доказательствами. Если доказательства не заполняют его, суд не имеет права заполнить его страхом.

Я не прошу подарить мне жизнь. Я прошу не отнимать её без доказанной вины.

Мастерская оратора

Антифонт делает несколько вещей, которые останутся вечными для уголовной защиты. Он отделяет факт от интерпретации; исследует условия получения показания; превращает позднее появление документа в самостоятельный вопрос; отказывается принимать обязанность назвать другого убийцу; заставляет суд увидеть не набор возражений, а альтернативную теорию возникновения обвинения.

Главный урок: **подозрение может быть сильным и всё же оставаться подозрением.**

ГЛАВА II. НОЧНОЕ УБИЙСТВО НА ДОРОГЕ

Антифонт. Первая тетралогия

Время создания: вторая половина V века до н. э.

Статус: учебное судебное дело. Реального процесса, на котором Антифонт писал обеим сторонам, здесь нет. Автор сознательно создал четыре образцовые речи: обвинение, защиту, ответ обвинения и последнее слово защиты.

Дело

Ночью убит афинский гражданин; его раб смертельно ранен. Перед смертью раб будто бы называет давнего врага хозяина. Между погибшим и названным человеком действительно шёл тяжёлый спор, а новое дело могло причинить подозреваемому большой имущественный вред.

Для художественной реконструкции можно представить короткую клепсидру примерно на шесть минут для каждого учебного выступления, но это не реальный сохранившийся регламент данного вымышленного дела.

Первая речь обвинения

Афиняне!

Тайное убийство редко имеет удобного очевидца. Если требовать свидетеля, стоявшего рядом с убийцей, осторожность преступника станет его лучшей защитой.

Погибшего не ограбили. Значит, главной целью были не деньги. Он имел врага, которому угрожал новый процесс. Смерть устраняла опасность. И наконец, раб, находившийся рядом, перед смертью назвал обвиняемого.

Умиравший человек почти ничего не выигрывает ложью. Вражда, выгода, характер нападения и последнее свидетельство сходятся в одной точке.

Не позволяйте ночи стать союзником убийцы.

Вода заканчивается. Обвинитель садится.

Первая речь защиты

Афиняне!

Обвинитель превратил предположение в цепь, но каждое звено остаётся предположением.

Да, между нами была вражда. Именно поэтому мне было особенно невыгодно убивать: первым заподозрили бы меня. Я рисковал проиграть имущественный спор; убийство создало бы угрозу потерять жизнь.

Отсутствие грабежа не доказывает личный мотив. Разбойников могли спугнуть. У погибшего могли существовать другие враги. Настоящий убийца мог рассчитывать, что известная вражда направит подозрение на меня.

Что касается раба: он был тяжело ранен, была ночь, нападение внезапно. Он мог быть искренен и ошибаться. Честность свидетеля не равна точности восприятия.

Подозревать меня можно. Осудить — только доказав.

Вода заканчивается.

Вторая речь обвинения

Защита предложила суду множество неизвестных людей: неизвестных разбойников, неизвестных врагов, неизвестное преступление. Но известны другое: реальная вражда, реальная выгода и слова реального свидетеля.

Если на каждый факт отвечать «могло быть иначе», ни одно тайное убийство не будет доказано. Обвиняемый говорит, что очевидный мотив делал убийство невыгодным; но тогда

человек с самым сильным мотивом автоматически становился бы самым безопасным подозреваемым.

Не меняйте известные обстоятельства вымышленными.

Третья вода иссякает.

Последняя речь защиты

Афиняне!

Теперь видно, как устроено это обвинение. Когда свидетель есть — он доказательство. Когда свидетеля нет — отсутствие тоже объявляется доказательством осторожности убийцы. Такое обвинение невозможно опровергнуть в принципе.

Но я предлагаю не только возможность. Я утверждаю: в ночь убийства находился дома. Ночь известна по празднику Диополий. Домашние рабы могут быть проверены в порядке, который вы считаете допустимым.

Вот различие между нами. Обвинение говорит: «вероятно». Я говорю: «проверьте».

Мотив не есть действие. Неспособность назвать другого убийцу не есть признание. Если обвинение не может перейти от возможности к факту, оправдайте меня и продолжайте искать преступника.

Последняя капля падает. Учебный процесс окончен.

Урок тетралогии

Антифонт учит не «правильной стороне», а способности сменить перспективу. Вражда для обвинителя — мотив, для защиты — причина ложного подозрения. Отсутствие похищенного для обвинения — знак личного убийства, для защиты — возможный результат бегства преступников. Высшее искусство начинается там, где оратор способен написать лучший довод своего противника.

ГЛАВА III. СМЕРТЬ ОТ БРОШЕННОГО КОПЬЯ

Антифонт. Вторая тетралогия

Время создания: вторая половина V века до н. э.

Статус: учебная модель; четыре речи обеих сторон написаны одним автором для риторического обучения.

Что такое гимнасий и палестра

Гимнасий классической Греции был пространством физического воспитания свободных мужчин и юношей. Здесь бегали, прыгали, метали диск и копье, занимались борьбой. Название связано со словом *gymnos* — «обнажённый»: атлеты традиционно упражнялись без одежды, натирали тело маслом, а после занятий снимали смесь масла, пота и пыли металлическим скребком — стригилем.

Гимнасий V века до н. э. не обязательно представлял собой позднейший монументальный каменный комплекс. Это могли быть большие открытые площадки, дорожки, тенистые места, простые помещения и навесы.

Палестра — первоначально школа и площадка прежде всего для борьбы и близких упражнений. Ею мог руководить пайдотриб, наставник по физической подготовке. В более поздних комплексах палестра стала архитектурно выделенной частью гимнасия с двором и окружающими помещениями. Метание копья требовало более длинного свободного пространства и происходило на открытой площадке гимнасия.

Дело

Юноша выполнял упражнение по метанию. Он бросил копье в установленном направлении. В момент, когда копье уже находилось в воздухе, другой мальчик выбежал на траекторию и был смертельно ранен.

Никто не утверждает умысла. Вопрос: достаточно ли физической причинности, чтобы возложить юридическую ответственность?

Первая речь обвинения — говорит отец погибшего

Мой сын погиб от копья, которое бросил этот юноша. Я не называю его умышленным убийцей. Именно потому закон различает умышленное и неумышленное причинение смерти.

Без броска не было бы удара. Опасный предмет получил движение от руки обвиняемого. Непредумышленность уменьшает нравственную вину, но не отменяет последствия.

Первая речь защиты — говорит отец метателя

Мой сын находился там, где должен был находиться метатель. Он бросал в правильном направлении. Когда он ещё мог остановить движение своей руки, путь был свободен. Погибший выбежал уже после того, как копье покинуло ладонь.

Что мог сделать метатель тогда? Вернуть копье из воздуха?

Несчастье не всегда означает преступление.

Ответ обвинения

До броска копье было неподвижно. Именно рука обвиняемого создала смертельное движение. Человек, выпускающий опасный предмет, не может сказать, что ответственность исчезла в ту секунду, когда предмет покинул его руку.

Мой сын не желал собственной смерти. Даже если он допустил ошибку, эта ошибка не превращает его в единственного виновника.

Последняя речь защиты

Если суд ищет всякую физическую причину, придётся спросить, кто изготовил копье, кто дал его юноше, кто устроил тренировку. Право ищет не первую причину вообще, а виновное действие.

Мой сын выполнял разрешённое упражнение в предназначенном месте. В последний момент, когда трагедию ещё можно было предотвратить, неожиданность создал не он.

Бывает зло без злодея. Бывает смерть без убийцы. Не прибавляйте к одной трагедии вторую, если вина не доказана.

Урок

Защита меняет главный вопрос. Обвинение спрашивает: «чьё действие физически причинило смерть?» Защита: «кто виновно создал смертельную ситуацию и мог ли он её предотвратить?» В этой смене вопроса виден зародыш теории причинной связи и вины.

ГЛАВА IV. ДРАКА, УДАР И СМЕРТЬ

Антифонт. Третья тетралогия

Время: вторая половина V века до н. э.

Статус: учебная модель.

Особенность: первые три речи произносят обвинитель и обвиняемый; к последнему выступлению обвиняемый удаляется, и защиту произносит его друг. Антифонт — только автор всех учебных текстов.

Дело

После пира возникает драка между пожилым и молодым мужчиной. Защита утверждает, что старик ударил первым. Молодой ответил. Потерпевший остался жив, его лечили несколько дней, после чего он умер. Защита обвиняет неумелого врача и ставит вопрос: что именно стало причиной смерти?

Обвинение

Молодой и сильный человек избил старика. Даже если смерть наступила не мгновенно, временной промежуток не уничтожает смертельной раны. Самооборона существует, чтобы остановить нападение, а не чтобы ответить такой силой, от которой человек погибает.

Защита

Первым напал погибший. Право на уважение к возрасту не превращает нападение старика в законное действие. Обвиняемый отвечал руками на удары руками.

Но главное: потерпевший не умер на месте. Он жил несколько дней и мог поправиться. Его лечили способом, против которого предупреждали. Если неправильное лечение превратило излечимую рану в смерть, нельзя вычеркнуть это новое действие из причинной цепи.

Ответ обвинения

Почему врач вообще появился у постели? Потому что обвиняемый нанёс повреждения. Без избиения не было бы лечения и ошибки врача. Нельзя причинить тяжёлую травму, а затем переложить всю ответственность на того, кто пытался спасти пострадавшего.

Даже если старик ударил первым, самооборона имеет пределы. Первый удар не выдаёт разрешения на смертельное избиение.

Последнее слово друга обвиняемого

Мой друг удалился не потому, что признал вину, а потому что испугался исхода процесса. Страх ошибочного приговора не есть признание.

Обвинитель предлагает вероятность: молодой человек якобы скорее начал драку, потому что силён и пьян. Но если возраст решает вопрос, свидетели не нужны. Есть вспыльчивые старики и спокойные юноши.

Применим логику обвинения последовательно. Если без ударов не понадобился бы врач, то без первого нападения погибшего не было бы ответных ударов. Нельзя выбрать удобное звено в середине цепи и объявить его единственной причиной.

Если после всех речей обвинение и защита остаются равносильными, этого недостаточно, чтобы погубить человека. Тяжесть результата не заменяет доказанность вины.

Урок

Здесь впервые особенно отчётливо соединяются три проблемы: самооборона, соразмерность и новое вмешивающееся обстоятельство. Антифонт показывает: промежуток между действием и смертью должен быть исследован, а не стёрт одним словом «последствие».

ГЛАВА V. ЯД В ЧАШЕ

Антифонт. «Против мачехи по обвинению в отравлении»

Время: конец V века до н. э.; точная дата спорна.

Кто говорит: сын умершего, обвиняющий мачеху.

Кто составил речь: традиционно Антифонт.

Кто защищает женщину: её сын, сводный брат обвинителя.

Речь защиты: утрачена.

Дело

Филоней и отец обвинителя ужинают перед поездкой в Пирей и дальнейшим путешествием. Женщина, связанная с Филонеем, получает от мачехи обвинителя средство, которое считает любовным снадобьем. Во время возлияния она подмешивает его в вино. Филоней получает большую дозу и умирает почти сразу; второй мужчина получает меньшую и умирает примерно через двадцать дней.

Женщина Филоней казнена. Спустя годы сын второго погибшего обвиняет мачеху: наказана была рука, утверждает он, но не умысел, который направил эту руку.

Сохранившаяся обвинительная речь — литературная передача

Афиняне!

Я пришёл сюда не потому, что желаю семейной вражды. Я пришёл потому, что отец оставил мне обязанность добиться суда над теми, кто виновен в его смерти.

Когда он умер, я был ребёнком. Сегодня я способен исполнить этот долг.

Моя мачеха уже прежде давала ему средство и объясняла, что хотела вернуть его любовь. Позднее она нашла другую женщину, которую можно было использовать. Та боялась потерять Филоней. Ей сказали: существует средство, способное вернуть любовь обоих мужчин.

Несчастливая поверила. Она думала, что чем больше средства даст, тем сильнее будет любовь. Поэтому Филоней досталось больше, моему отцу — меньше.

Мужчины подняли чаши после жертвоприношения. Один умер сразу. Другой умирал около двадцати дней.

Исполнительница наказана. Но спросите: кто придумал? Кто передал вещество? Кто превратил доверчивость другой женщины в орудие?

Закон не может видеть только руку. Он должен видеть волю.

Мой брат после меня будет просить пожалеть его мать. Я понимаю сына, защищающего мать. Но кто защитил нашего отца, когда в его чашу наливали смерть?

Я не прошу мести. Я прошу дать мёртвому единственное, что ещё могут дать живые: правосудие.

Возможная защита — реконструкция, не античный текст

Защита могла спросить: кто слышал разговор двух женщин? Кто видел передачу именно яда? Кто доказал, что обвиняемая знала смертельное свойство вещества? Откуда спустя годы известны мысли исполнительницы о «большей дозе любви»?

Если сама обвинительная версия утверждает, что вещество выдавалось за любовное средство, это оставляет пространство для вопроса об умысле. Предыдущий случай, когда жена давала мужу средство «для любви», может толковаться не только как первая попытка убийства, но и как подтверждение её веры в подобные снадобья.

Мастерство

Антифонт строит обвинение как трагедию с точными деталями: две женщины, две чаши, две дозы, две скорости смерти. Чем конкретнее рассказ, тем легче слушателю принять его как реальность. Но профессиональный защитник должен спрашивать: какое доказательство подтверждает каждый переход внутри красивой истории?

Главный урок: **живость повествования и доказанность повествования — разные категории.**

ГЛАВА VI. СМЕРТЬ ХОРИСТА

Антифонт. «О хоревте»

Время: вероятно около 412 г. до н. э.

Кто говорит: обвиняемый хорег, то есть гражданин, обязанный финансировать и организовать хор.

Кто написал речь: Антифонт.

Сохранившаяся часть: вторая речь защиты; окончание утрачено.

Что такое хорегия

В Афинах состоятельный гражданин мог быть обязан взять на себя литургию — дорогостоящую общественную повинность. Хорег финансировал подготовку хора к религиозному празднику: помещение, обучение, питание, костюмы и другие расходы. Это была одновременно обязанность, честь и публичное соревнование состоятельных граждан.

Обвиняемый готовил хор мальчиков к Таргелиям. Во время подготовки один из мальчиков, Диодот, выпил средство, предназначенное, по версии защиты, для улучшения голоса, и умер.

Обвинение — реконструкция

Родственники погибшего могли утверждать: мальчик находился в коллективе, организованном и финансируемом хорегом; препарат дали ради подготовки хора; следовательно, человек, отвечавший за организацию, несёт ответственность за смертельное действие своих людей.

Сохранившаяся защита — литературная передача

Афиняне!

В уголовном деле опаснее всего позволить ненависти заменить точность.

Я был хорегом. Я финансировал подготовку. Но в момент, когда Диодоту дали средство, меня не было рядом. Я не приказывал давать ему смертельное вещество. Я не готовил его. Я не знал, что мальчику будет дано именно это средство.

Мои противники хотят превратить общую организационную обязанность в личное убийство. Но если гражданин отвечает за всякое действие каждого человека, занятого в деле, которым он руководит, ответственность перестаёт иметь границы.

Я не скрывался после смерти мальчика. Я не уничтожил свидетелей. Я предлагал проверить обстоятельства. Напротив, противники отказывались от способов установить то, что могли знать домашние и служители, а затем наполняли дело посторонними обвинениями.

Судите меня за то, что сделал я, а не за всё несчастье, произошедшее внутри предприятия, которое я финансировал.

Если есть человек, который приготовил вещество, выясните его действие. Если есть тот, кто дал его мальчику, выясните, что он знал и почему дал. Но не перепрыгивайте через эти вопросы только потому, что моё имя как хорег легче поставить над всей историей.

Несчастье требует сострадания. Уголовная вина требует доказательства личного действия и личного намерения.

Ответственность руководителя

Дело удивительно современно. Оно ставит вопрос: насколько далеко распространяется ответственность организатора за действия подчинённых и исполнителей? Обвинение стремится подняться по иерархии к тому, кто возглавлял подготовку. Защита требует спуститься обратно к конкретному действию: кто выбрал вещество, кто дал, что знал, было ли распоряжение.

Антифонт учит: должность и причинная связь — не одно и то же.

ГЛАВА VII. ТАЙНА МИСТЕРИЙ И РАЗБИТЫЕ ГЕРМЫ

Андокид. «О мистериях»

Время: 400 или 399 г. до н. э.; традиционно речь относят к 399 г.

Кто говорит: сам Андокид.

Кто написал: Андокид выступает автором собственной защиты.

Суть дела: обвинение в нарушении религиозных запретов, связанных со скандалами 415 г. до н. э.; обвинители требовали сурового, по существу смертельного наказания.

Ночь, когда Афины проснулись без лиц богов

В 415 г. до н. э., накануне Сицилийской экспедиции, Афины пережили событие, которое современному человеку трудно почувствовать во всей полноте. По городу были повреждены гермы — каменные столбы с головой Гермеса, стоявшие у домов, дорог, святилищ и общественных мест. Одновременно распространялись сведения о пародировании и профанации Элевсинских мистерий, тайных священных обрядов Деметры и Керы.

Для города, готовившего огромную военную экспедицию, это стало не просто уголовным происшествием. В нём увидели святотатство, дурное предзнаменование, возможный политический заговор. Донос следовал за доносом. Люди бежали. Одних арестовывали, другие пытались получить иммунитет, называя имена сообщников.

Андокид оказался внутри этой бури. Его собственная роль была и остаётся предметом споров, но известно главное: он дал сведения властям и назвал участников событий. Позднее на него распространялся запрет, связанный с декретом Исотимида: лица, совершившие определённое религиозное нечестие и признавшиеся в нём, не должны были посещать священные места.

Затем Афины пережили поражение, олигархические перевороты, власть Тридцати тиранов и восстановление демократии. В 403 г. до н. э. была провозглашена знаменитая амнистия, целью которой было не позволить городу утонуть в бесконечной мести за гражданскую войну.

Андокид вернулся.

Спустя несколько лет враги обвинили его в том, что он, несмотря на старый запрет, присутствовал на Элевсинских мистериях и пользовался правами, которых якобы был лишён.

Теперь перед ним стояла задача почти невозможная: объяснить судьям историю длиной шестнадцать лет и заставить их отличить закон от памяти, религию от политической мести, прежнее подозрение от нового преступления.

Перед судом

Здесь особенно важно: Андокид не нанимает логографа, скрывающегося за его спиной. Он сам является оратором. Перед судьями находится человек, чья собственная биография стала доказательством обвинения.

Он начинает не с высоких слов, а с проблемы порядка.

Что отвечать первым?

Старые обвинения 415 года?

Декрет Исотимида?

Амнистию 403-го?

Новый эпизод с ветвью на алтаре?

Андокид выбирает стратегию: рассказать всё сначала.

Речь защиты — литературная передача

Афиняне!

Мои враги не впервые пытаются сделать мою жизнь невозможной в этом городе. Но сегодня я не прошу вас любить меня. Я прошу разобраться.

Против меня произнесено столько обвинений, относящихся к разным годам, что если отвечать на каждое отдельно и в том порядке, в каком их выкрикивают противники, истина утонет в беспорядке.

Поэтому я расскажу всё сначала.

Вспомните 415 год. Город был охвачен страхом. Были изуродованы гермы. Появились сведения о мистериях. Доносчики называли людей, люди бежали, каждый новый список превращал подозрение в панику.

Меня хотят заставить отвечать сегодня так, словно всё это случилось вчера и словно за прошедшие годы Афины не приняли ни одного нового закона, не пережили ни одной перемены и не дали гражданам ни одного обещания.

Но город дал обещание.

После падения Тридцати вы решили не помнить прежних обид в судебном смысле. Вы восстановили демократию не для того, чтобы каждый гражданин носил в рукаве старое обвинение против соседа. Вы решили жить вместе.

Если старый декрет продолжает действовать так, как утверждают обвинители, зачем понадобилась новая правовая основа города? Если всякий прежний запрет можно извлечь через годы и направить против человека, который вернулся, доверившись восстановленному порядку, что означает амнистия?

Мои враги хотят пользоваться духом старых преследований и одновременно преимуществами нового государства.

Так нельзя.

«Ты сам признался»

Мне говорят: ты дал сведения, значит, признал собственное нечестие.

Нет.

Человек может рассказать то, что знает о других, не признавая каждого преступления за собой. Я действовал в обстановке, когда город искал правду и обещал безопасность тем, кто поможет её открыть.

Если государство сначала предлагает человеку говорить под гарантией, а затем превращает сам факт его речи в вечное доказательство против него, кто после этого когда-либо поможет государству раскрыть заговор?

Гарантия должна что-то означать.

Старый декрет и новый закон

Посмотрите не на мою личность, а на ваше собственное право.

После восстановления демократии законы были пересмотрены и вновь утверждены. Было установлено, что власти должны пользоваться действующими законами, а гражданин должен иметь возможность знать их.

Если обвинитель может прийти с забытым постановлением прежней эпохи и потребовать смерти человека, которого государство допустило к гражданской жизни, закон перестаёт быть правилом и становится ловушкой.

Закон обязан быть известен до поступка.

Нельзя сначала позволить человеку вернуться, жить, участвовать в религиозной жизни, а потом сказать: «Мы всё это время считали тебя преступником».

Обвинители

Теперь спросите, кто обвиняет меня.

Эти люди изображают себя хранителями чистоты города. Но их собственные поступки далеко не столь чисты, как их слова.

Я не считаю необходимым оправдывать каждую свою ошибку указанием на чужую. Но человек, который требует от вас воскресить старые правонарушения против меня, должен быть готов жить по тому же правилу.

Если старое прошлое снова стало подсудным, тогда прошлое обвинителей тоже возвращается в суд.

Они этого не хотят.

Им нужен особый закон: память для меня и забвение для них.

Религия и страх

Я знаю, что дело касается мистерий.

Именно поэтому обвинению легко разбудить страх. Достаточно произнести слова «нечестие», «святилище», «богини», и судье становится тяжело рассуждать спокойно: кто захочет рисковать гневом богов ради оправдания человека с дурной репутацией?

Но если боги справедливы, разве им угодно ложное осуждение?

Разве благочестие заключается в том, чтобы наказать первого удобного человека?

Священное требует большей правды, а не меньшей.

Амнистия как нравственное решение города

Вы можете сегодня решить не только мою судьбу.

Вы решаете, что означало примирение 403 года.

Если обещание было лишь красивой фразой, которую можно отменить, когда появляется удобный враг, гражданская война никогда не закончилась. Она только перешла из улиц в суды.

Но если обещание действительно было законом новой жизни, примените его и ко мне.

Не потому, что я безупречен.

А потому, что государство не должно давать слово только безупречным людям. Государственное слово особенно важно тогда, когда оно защищает непопулярного.

Финал

Афиняне!

Меня обвиняли прежде. Я жил в изгнании. Я вернулся, потому что поверил вашему решению восстановить гражданский мир.

Сегодня мои противники просят вас сделать так, чтобы это доверие оказалось ошибкой.

Не судите слух.

Не судите репутацию.

Не судите шестнадцать лет истории одним чувством.

Прочитайте законы. Вспомните клятвы. Разделите старое и новое.

И если я нарушил действующий закон — накажите.

Но если обвинение держится на том, что должно было остаться за границей общей амнистии, оправдайте меня.

Исход

Андокид был оправдан. Для нашей книги это первый процесс, где известный результат позволяет сравнить стратегию и решение: длинный, местами неровный рассказ оказался достаточно ясным и убедительным, чтобы судьи не приняли требование обвинителей.

Урок

В этой речи особенно важны четыре приёма.

Первый — **порядок большого дела**. Когда обвинений много, оратор сначала объясняет суду карту будущей речи.

Второй — **юридическая память**. Андокид спорит не столько о факте древнего скандала, сколько о том, может ли государство снова сделать его правовым основанием наказания.

Третий — **атака на симметрию**: если противники требуют воскресить прошлое, их собственное прошлое тоже должно быть открыто.

Четвёртый — **защита непопулярного человека через авторитет закона**. Хорошая защита не обязана доказывать, что клиент приятен. Она должна доказать, что закон распространяется и на неприятного.

ГЛАВА VIII. МИР ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Исократ. «Против Каллимаха»

Время: вскоре после восстановления демократии, вероятно начало IV века до н. э.

Кто говорит: ответчик в имущественном споре.

Кто написал: Исократ.

Главная проблема: можно ли возобновлять имущественные претензии, которые связаны с событиями гражданского конфликта и уже были урегулированы?

Почему это дело важно после Андокида

В предыдущей главе амнистия была щитом человека против религиозного преследования. Здесь тот же принцип входит в частную тяжбу.

После падения Тридцати Афины должны были решить почти невозможную задачу: как вернуть право в город, где имущество переходило из рук в руки, одни граждане бежали, другие сотрудничали с режимом, третьи возвращались с Пирея с победителями?

Если каждую передачу денег, каждую конфискацию и каждое старое требование разрешить пересматривать бесконечно, мир окажется невозможным.

Исократ пишет речь для стороны, которая хочет сказать: спор уже должен быть закрыт.

Клепсидра

Это частная имущественная тяжба. Именно в таких делах водяное ограничение времени особенно естественно для нашей реконструкции. Точный объём воды процесса неизвестен, поэтому цифру не устанавливаем.

Поднимается ответчик. Он говорит своими словами, но композицию этих слов разработал Исократ.

Речь — литературная передача

Афиняне!

Есть тяжбы, в которых одна сторона спорит с другой о деньгах. А есть тяжбы, в которых вместе с деньгами на суд пытаются вернуть целую эпоху.

Мой противник хочет второго.

Он предъявляет требование так, словно между нами никогда не было прежних решений, соглашений и общих законов примирения.

Но государство восстановило порядок именно для того, чтобы люди перестали бесконечно судиться о том, что произошло во время смуты.

Если сегодня Каллимах получает право начать всё сначала, завтра другой гражданин потребует пересмотреть другую передачу имущества. Потом третий. И очень скоро никто не будет знать, что принадлежит ему по праву, потому что каждая вещь будет иметь два прошлого и два владельца.

Соглашение должно что-то значить

Мы уже обсуждали спор.

Были люди, способные подтвердить условия.

Было достигнуто урегулирование.

Почему мой противник возвращается?

Потому что теперь надеется получить от суда то, чего не получил тогда.

Но если всякое соглашение действительно только до тех пор, пока одна сторона не передумает, соглашений не существует.

Право нужно именно затем, чтобы завершать конфликты.

Амнистия не подарок виновным

Некоторые говорят о примирении так, словно оно было милостью преступникам.
Нет.

Это было решение всего города сохранить будущее.

Когда демократия победила, она могла превратить победу в бесконечный ряд процессов.
Она выбрала другое: установила границу.

Тот, кто сегодня пытается обойти эту границу ради частной выгоды, пользуется миром, созданным амнистией, и одновременно разрушает его основание.

Не всякая потеря создаёт право на нового ответчика

Каллимах говорит о деньгах, которые считает своими.

Но суд должен спрашивать не только: «Потерял ли он?»

Суд должен спрашивать: «Почему именно этот ответчик сегодня обязан платить?»

Человек может понести ущерб от войны, режима, конфискации, решения третьих лиц.

Сама потеря не создаёт автоматически долг первого человека, которого удобно привлечь.

Репутация сторон

Исократ осторожно вводит характер.

Мой противник ведёт себя так, будто закон существует лишь как новый шанс для старого требования.

Я же пришёл не отменять закон, а пользоваться тем порядком, который город установил для всех.

Посмотрите, кто из нас требует исключения.

Я прошу применить общее правило.

Он просит сделать его случай особым.

Финал

Если вы удовлетворите требование, спор закончится только на бумаге. Настоящий результат будет другим: каждый старый конфликт получит надежду на новую жизнь.

Вы защищаете сегодня не только мои деньги.

Вы защищаете способность государства сказать: «Это дело окончено».

Мастерство Исократа

Исократ превращает техническое возражение против иска в политико-нравственный аргумент. Вместо холодного «исковая претензия недопустима» появляется более сильная формула: **закрытость прошлого — условие гражданского мира**.

Современному юристу здесь близки идеи окончательности спора, процессуальной стабильности и добросовестности. Но Исократ говорит о них языком города, который только что пережил гражданскую войну.

ГЛАВА IX. БАНКИР ПАСИОН И ИСЧЕЗНУВШИЙ ВКЛАД

Исократ. «Трапезитик»

Время: приблизительно 394—391 гг. до н. э.

Кто говорит: молодой иностранный купец, сын богатого человека из Боспорского царства.

Кто написал: Исократ.

Ответчик: афинский банкир Пасион.

Суть: спор о банковском вкладе и доверии к человеку, чьё ремесло основано на доверии.

Афинский банк без сейфа и приложения

Трапезиты — банкиры классических Афин — получили название от *trapeza*, стола. За столом принимали деньги, меняли монету, проводили платежи, хранили вклады, давали кредит.

Не существовало электронного следа. Не было банковской выписки в современном смысле. Некоторые операции сознательно совершались без обычной письменной огласки, особенно когда клиент хотел скрыть наличие средств от третьих лиц.

Именно поэтому репутация банкира была почти частью доказательства.

Молодой купец приезжает в Афины, открывает счёт у Пасиона и доверяет ему крупные суммы. Затем политические обстоятельства заставляют клиента скрывать свои деньги. По версии истца, банкир воспользовался тайной операцией и позже просто отрицал существование вклада.

Речь истца

Афиняне!

Этот процесс важен для меня не только потому, что речь идёт о большой сумме.

Если я проиграю деньги, у меня ещё останется имущество.

Но если вы решите, что я без основания требую чужое, я потеряю имя. Люди будут говорить: этот человек попытался получить деньги, которых никогда не давал.

Для купца дурная репутация иногда дороже потерянного серебра.

Почему я доверился Пасиону

Я приехал издалека. Мне рекомендовали Пасиона как человека, которому можно доверять. Я положил деньги у него.

Позднее возникла опасность, что о моих средствах узнают люди, перед которыми мне было выгодно изображать себя менее состоятельным. Поэтому часть отношений с банкиром стала конфиденциальной.

Именно эта тайна сегодня используется против меня.

Ответчик как будто говорит: «Раз нет публичной записи, не было и денег».

Но зачем клиент выбирает доверительную банковскую операцию? Именно затем, чтобы она не была публична.

Если банкир может сначала обещать тайну, а потом использовать отсутствие открытой записи как доказательство отсутствия вклада, тайная банковская услуга превращается в ловушку.

Поведение после требования

Судите не только бумаги. Судите поступки.

Когда я впервые потребовал свои деньги, Пасион не ответил спокойным: «Ты никогда ничего мне не давал».

Начались переговоры.

Появились обещания.

Появились посредники.

Обсуждались способы решить спор без публичного скандала.

Зачем человеку обсуждать возврат несуществующего вклада?

Раб и пытка

В деле возникает раб, который мог знать операции банка. Стороны спорят о его выдаче для испытания под пыткой — привычном для афинского суда, хотя чудовищном для современного сознания способе проверки сведений рабов.

Истец превращает поведение Пасиона вокруг этого свидетеля в аргумент: когда существовал способ получить независимую проверку, банкир будто бы старался избежать её или изменить условия.

Главное здесь не сам варварский институт, а структура довода:

кто боится проверки и почему?

Профессиональная репутация как ловушка

Пасион мог рассчитывать на простое преимущество.

Он банкир.

Ему ежедневно доверяют большие суммы.

Если суд признает, что известный банкир присвоил вклад, это ударит по его имени.

Но именно поэтому, говорит истец, соблазн особенно опасен. Человек с высокой репутацией знает, что судья будет думать: «Он не станет рисковать всем ради одной суммы».

Репутация может подтверждать добросовестность.

Но она не должна становиться иммунитетом от проверки.

«Кто из нас рискует больше ложью?»

Если я лгу, я приехал из другой страны, придумал вклад, выстроил сложную историю, вызвал свидетелей и поставил под удар своё имя ради денег, которые якобы могу потерять без разорения.

Если Пасион лжёт, ему нужно только повторять: «Такого вклада не было», пользуясь тем, что операция была тайной.

Какая ложь проще?

Иногда суд должен оценивать не только выгоду, но и **стоимость лжи для каждой стороны**.

Финал

Я не прошу вас разрушить доверие к банкам.

Я прошу защитить его.

Если человек, принимающий деньги именно потому, что ему верят, может безнаказанно отрицать тайный вклад, доверие исчезнет.

Банковское ремесло держится не на столе и не на монете.

Оно держится на слове.

Мастерство Исократ

«Трапезитик» — почти идеальная глава о доказательствах в отношениях, где письменный след намеренно слаб. Исократ заменяет отсутствующий документ анализом поведения, мотивов, последовательности переговоров и профессиональной репутации.

Современный судебный оратор узнает знакомый вопрос: как доказать устное или конфиденциальное соглашение, если одна сторона контролирует документы?

ГЛАВА X. НАСЛЕДСТВО НА ЭГИНЕ

Исократ. «Эгинетик»

Время: первая половина IV века до н. э., обычно около 390-х гг.

Кто говорит: претендент на имущество умершего.

Кто написал: Исократ.

Суть: наследственный спор, где решающими становятся не только формальная степень родства, но и реальная семейная близость, забота и воля умершего.

Когда семья становится доказательством

Наследственные процессы особенно опасны для судебного оратора. Смерть уже произошла. Главный человек, который мог бы объяснить свою волю, молчит навсегда. Остаются родственники, свидетели, домашние обряды, передача имущества, прежние слова, забота во время болезни.

Исократ строит дело так, чтобы судьи увидели не сухую родословную, а жизнь.

Речь

Афиняне!

Когда человек умирает, родственники часто начинают говорить о нём значительно громче, чем говорили при его жизни.

Те, кто редко приходил, внезапно вспоминают степень родства.

Те, кто не заботился, становятся хранителями семейного права.

Но если вы хотите понять, кого умерший считал своим, посмотрите не на речи после смерти, а на поступки до неё.

Кто был рядом?

Кому он доверял?

Кто помогал в болезни?

Кому передавал свои дела?

Кого называл своим человеком перед друзьями и родственниками?

Формальная кровь и фактическая семья

Мой противник будет считать поколения.

Он скажет: вот линия родства, вот степень, вот право.

Я не прошу отменять родство.

Я прошу увидеть всё, что закон защищает через родство: продолжение дома, заботу, взаимную обязанность, волю собственника.

Если человек при жизни ясно показывает, кого считает наследником и кому доверяет имущество, суд не должен превращать семейное право в арифметику, лишённую человеческого содержания.

Похороны как доказательство

В греческом обществе участие в похоронах и погребальных обязанностях имело сильное семейное значение.

Кто организовал погребение?

Кто понёс расходы?

Кто совершил обряды?

Это не просто эмоциональные детали. Они показывают, кого окружающие признавали ближайшим человеком умершего в самый момент, когда притворяться было труднее всего.

Последняя воля без современного нотариуса

Умерший не оставил нам нотариально удостоверенный документ в современном смысле.

Но человеческая воля выражается не только одним листом.

Она может проявляться в многолетнем поведении.

Если человек передаёт управление делами, называет будущего наследника, поручает ему дом, допускает его к семейным обрядам и в последний период жизни держит рядом, совокупность этих обстоятельств может говорить громче позднейшего заявления дальнего родственника.

Финал

Судьи!

Наследство — это не награда тому, кто после смерти нашёл самое удобное место на родословной.

Это продолжение воли и дома умершего.

Смотрите на жизнь, а не только на схему.

Урок

Исократ превращает «характер отношений» в доказательство. Это не должно заменять закон, но помогает толковать неопределённость. В наследственных делах особенно важен принцип: **посмертные заявления родственников проверяются прижизненным поведением умершего.**

ГЛАВА XI. МУЖ, ЛЮБОВНИК И ЗАКОН

Лисий. «Об убийстве Эратосфена»

Время: точная дата неизвестна; речь обычно относят к концу V — началу IV века до н. э.

Кто говорит: афинский гражданин Эвфилет.

Кто написал: Лисий.

Суть: Эвфилет не отрицает, что убил Эратосфена. Он утверждает, что застал его в прелюбодеянии со своей женой и действовал в пределах закона. Родственники убитого обвиняют его в предумышленном убийстве и утверждают, что любовника заманили в дом.

Дом как место преступления и доказательства

Это одна из самых знаменитых речей Лисия, потому что она начинается почти как бытовой рассказ.

Эвфилет изображает себя человеком простым, доверчивым и домашним. После рождения ребёнка он позволил жене больше свободы в доме. Во время похорон она попала на глаза Эратосфену. Началась тайная связь. Служанка помогала любовникам. Муж долго ничего не понимал.

Лисий делает нечто выдающееся: прежде чем оправдать убийство, он должен заставить судей поверить в характер убийцы.

Если Эвфилет выглядит хитрым и расчётливым, версия о засаде становится опасной.

Если он выглядит простодушным человеком, которого долго обманывали и который лишь случайно узнал правду, защита получает нравственное преимущество.

Реконструкция обвинения

Родственники Эратосфена могли говорить: убийство было не внезапным. Эвфилет заранее собрал людей, ворвался в комнату, не позволил Эратосфену откупиться и убил его. Более того, любовника могли специально заманить, чтобы создать формальный повод для убийства из вражды, денег или иной причины.

Поэтому защите недостаточно доказать прелюбодеяние. Нужно доказать отсутствие ловушки.

Клепсидра

Служитель открывает воду.

Поднимается Эвфилет.

Лисий не появляется в суде. Его искусство скрыто. Слова должны звучать так, будто простой домовладелец рассказывает соседям то, что случилось в его доме.

Речь Эвфилета — литературная передача

Афиняне!

Я хотел бы, чтобы вы судили меня так, как судили бы самих себя, если бы пережили то же.

Я не стану отрицать главного.

Эратосфен умер от моей руки.

Вопрос не в том, сделал ли я это.

Вопрос — почему и при каких обстоятельствах.

«Я доверял жене»

Когда я женился, сначала наблюдал за женой так, как разумный муж наблюдает за новым человеком в доме. Но после рождения ребёнка я стал доверять ей полностью. Мне казалось, что ребёнок — лучшая связь между нами.

Наш дом имел два этажа. Женские помещения и мужские можно было менять местами ради удобства ухода за ребёнком. Я сам устроил быт так, что жена получила больше свободы передвижения.

Сегодня это кажется мне наивностью.

Тогда — доверием.

Похороны

Когда умерла моя мать, жена пошла на похороны.

Там её увидел Эратосфен.

Позднее я узнал: он нашёл способ войти в наш дом. Служанка стала посредником. Встречи происходили, пока я ничего не понимал.

Однажды я вернулся из деревни неожиданно.

Ребёнок плакал.

Жена спустилась к нему. Двери скрипели. Я видел мелочи, которые должны были вызвать подозрение, но не вызвали.

Так ведёт себя не человек, готовящий убийство.

Так ведёт себя человек, которого обманывают.

Незнакомая женщина открывает правду

Однажды ко мне подошла старая женщина.

Она сказала: я не пришла из любви к тебе. Меня послала другая женщина, которую Эратосфен бросил. Но если хочешь знать, что происходит в твоём доме, расспроси служанку.

Я не поверил сразу.

Потом заставил служанку говорить.

И впервые узнал правду.

Ночь

В тот вечер я случайно встретил знакомого и пригласил его ужинать.

Обратите внимание: если бы я заранее готовил засаду, разве стал бы устраивать случайный ужин, не зная, придёт ли Эратосфен?

После еды знакомый ушёл.

Я лёг спать.

Позднее служанка разбудила меня:

— Он здесь.

Я вышел из дома и стал искать людей, которые могли бы стать свидетелями.

Не убийц.

Свидетелей.

Мне было важно, чтобы то, что я увижу, видели и другие.

Некоторых не оказалось дома. Других я нашёл.

Мы вернулись.

Комната

Дверь открылась.

Эратосфен был внутри моего дома, с моей женой.

Одни из пришедших увидели его на ложе. Другие — когда он уже поднялся.

Я ударил его и сбил с ног.

Связал руки.

И спросил:

— Зачем ты вошёл в мой дом?

Он признал свою вину.

Он предлагал деньги.

Но я ответил: не я убиваю тебя. Тебя наказывает закон, который ты предпочёл нарушить.

Деньги

Это особенно важно.

Если бы я заманил человека ради выгоды, предложение денег было бы моментом победы.

Я мог бы взять серебро и отпустить его.

Я не сделал этого.

Обвинители говорят, что я действовал ради денег. Но человек, действующий ради денег, не отказывается от денег, когда они уже протянуты ему.

Вражда

У меня не было прежней вражды с Эратосфеном.

Он не подавал на меня иск.

Не угрожал изгнанием.

Не владел тайной, которую я боялся раскрыть.

Я не получал имущества от его смерти.

Единственной причиной было то, что он сделал в моём доме.

Закон

Афиняне!

Законы устанавливаются не для того, чтобы их читать после события как украшение речи. Они заранее говорят гражданину, что дозволено и что запрещено.

Если закон разрешает мужу определённое действие в отношении застигнутого прелюбодея, а затем суд наказывает мужа именно за то, что закон позволил, гражданин больше не сможет знать, чему подчиняться: написанному закону или будущему настроению суда.

Я не прошу исключения.

Я прошу применить правило.

«Ты заманил его»

Мне говорят: ты сам привёл Эратосфена в дом.

Но где доказательство?

Посмотрите на последовательность.

Я не знал о связи, пока мне не сообщили.

Я узнал от служанки.

В день убийства я не держал возле дома заранее собранных людей.

Я бегал ночью, стучал в двери и искал свидетелей.

Если это была подготовленная ловушка, почему она была подготовлена настолько плохо?

Финал

Я убил человека.

Я не прячусь от этого слова.

Но закон иногда различает убийство преступное и действие, которому он сам даёт оправдание.

Если вы решите, что человек, заставший прелюбодея в собственном доме, обязан был принять деньги и отпустить его, вы измените закон после события.

Если же закон действительно означает то, что написано, оправдайте меня.

Вода заканчивается.

Эвфилет замолкает.

Великий приём Лисия: этопея

Этопея — создание характера говорящего — достигает здесь почти совершенства. Лисий не делает Эвфилета блестящим юристом. Наоборот, защитительная сила возникает из его кажущейся простоты.

Он слишком доверчив, чтобы быть искусным заговорщиком.

Слишком бытовой, чтобы казаться политическим интриганом.

Слишком прямой, чтобы скрывать убийство.

Так личность становится доказательством.

Вопрос для современного адвоката

Насколько допустимо строить доказательство на «характере»?

Это сильный инструмент и опасный. Честный вид не доказывает честность. Простота рассказа может быть профессионально создана. Именно поэтому эта речь полезна вдвойне:

она учит создавать убедительный образ — и одновременно учит защитника противоположной стороны не принимать образ за факт.

ГЛАВА XII. СТЫД, РЕВНОСТЬ И ПЬЯНАЯ ДРАКА

Лисий. «Против Симона»

Время: после 394 г. до н. э.

Кто говорит: взрослый афинский гражданин, имя которого не сохранилось.

Кто написал: Лисий.

Суть: обвинение в преднамеренном нанесении ранения в конфликте, связанном с соперничеством двух мужчин из-за молодого Платея Феодота.

Почему клиенту стыдно рассказывать правду

Некоторые дела трудны потому, что факты плохи.

Это дело трудно ещё и потому, что сама правда кажется говорящему унижительной.

Он взрослый состоятельный мужчина. Ему придётся перед судьями рассказывать о страсти к юноше, о ревности, пьянстве, ночных вторжениях, драках и беготне по улицам.

Лисий начинает с психологически точного решения:

признать стыд раньше, чем противник превратит его в оружие.

Речь

Афиняне!

Самое тяжёлое в этом деле для меня — не обвинение Симона.

Самое тяжёлое — необходимость рассказывать вам то, что я предпочёл бы оставить внутри своей частной жизни.

Я долго терпел его выходки именно потому, что боялся публичного стыда больше, чем частной обиды.

Но теперь Симон сам пришёл в суд и изображает себя пострадавшим. Молчание стало опаснее рассказа.

Поэтому я скажу всё.

Феодот

Я был привязан к молодому Феодоту из Платей.

Симон тоже добивался его расположения.

Я не стану изображать себя мудрецом, свободным от страстей. Мой возраст, возможно, делает эту историю ещё менее достойной рассказа.

Но слабость человека к кому-либо не даёт другому права вламываться в его дом и бить людей.

Ночное вторжение

Однажды Симон пришёл к моему дому ночью, пьяный.

Он ломился внутрь.

Он проник туда, где находились женщины моей семьи — сестра и племянницы, жившие настолько скромно, что стыдились даже показываться некоторым родственникам.

Представьте не только насилие над дверью.

Представьте позор дома, куда пьяный мужчина врывается ради ревности.

Я мог тогда немедленно подать жалобу.

Не сделал.

Почему?

Потому что хотел скрыть саму историю.

Разве так ведёт себя человек, который потом якобы заранее готовит нападение на Симона?

Мы уехали

Чтобы прекратить конфликт, я даже покинул город на время вместе с Феодотом.

Если бы моей целью была драка, зачем избегать человека?

Настоящий зачинщик ищет встречи.

Я искал расстояние.

Новое столкновение

Но Симон не остановился.

Он появлялся с друзьями, преследовал, устраивал сцены.

В конце концов возникла драка.

Теперь он утверждает, что именно я напал на него заранее, с намерением причинить тяжёлое ранение.

Но сравните поведение сторон на протяжении всей истории.

Кто вламывался ночью?

Кто приходил пьяным?

Кто собирал людей?

Кто преследовал другого?

Кто, напротив, терпел и уезжал, лишь бы не сделать личную историю публичной?

Рана и намерение

Даже если в драке кто-то получил повреждение, закон спрашивает не только о ране.

Он спрашивает о предварительном намерении.

Случайная драка, возникшая из взаимной ссоры, и заранее подготовленное нападение — не одно и то же.

Симон хочет использовать результат как доказательство замысла.

Но замысел доказывается тем, что было **до** результата.

Моё поведение до столкновения показывает избегание, а не подготовку.

Контратака характером

Я не утверждаю: «Я идеален, поэтому невиновен».

Я признаю то, чего стыжусь.

Именно поэтому прошу верить там, где говорю о другом.

Лжец обычно старается сделать себя безупречным.

Я не могу этого сделать и не хочу.

Но одно дело — личная слабость.

Другое — уголовное намерение.

Не позволяйте Симону смешать их.

Финал

Если бы я хотел причинить Симону зло, у меня были возможности обратиться против него раньше и законнее.

Я терпел.

Он преследовал.

Теперь он пользуется моим прежним молчанием как возможностью поменять нас ролями.

Не награждайте агрессора за то, что другой человек долго стыдился говорить.

Мастерство Лисия

Это образец стратегии **упреждающего признания**. Оратор сам сообщает суду неприятный факт — возраст, страсть, частные отношения — и тем самым лишает противника эффекта разоблачения.

Современная формула проста: если плохой факт неизбежно появится, иногда сильнее всего сообщить его самому, объяснив юридическую границу его значения.

Вторая сила речи — поведенческая хронология. Лисий не доказывает отсутствие умысла одним утверждением. Он показывает длинную последовательность избегания конфликта.

ГЛАВА XIII. БРАТ, КОТОРОГО УВЕЛИ ТРИДЦАТЬ

Лисий. «Против Эратосфена»

Время: вскоре после восстановления демократии, около 403—402 гг. до н. э.

Кто говорит: сам Лисий.

Кто написал: Лисий — редкий для нашей книги случай, когда профессиональный логограф выступает собственным голосом.

Обвиняемый: Эратосфен, один из Тридцати тиранов.

Главное обвинение: участие в аресте и гибели Полемарха, брата Лисия, а также ответственность за деятельность режима.

Когда логограф перестаёт быть невидимым

Большую часть нашей книги Лисий будет находиться за спиной клиента. Здесь всё иначе.

Перед судьями стоит человек, у которого убили брата, разграбили дом и отняли имущество. Он не конструирует чужой характер. Он говорит от собственного имени.

После поражения Афин в Пелопоннесской войне к власти пришли Тридцать. Режим очень быстро превратил политическую расправу в систему террора и конфискаций. Особенно удобными жертвами оказались состоятельные метеки — постоянно живущие в Афинах иностранцы, не имевшие полного гражданства.

Семья Лисия была богата. Его отец много лет жил в Афинах; семья занималась производством щитов. Лисий и Полемарх не были гражданами, но были глубоко включены в афинскую жизнь.

Однажды власть решила, что их имущество нужнее режиму.

Арест

По рассказу Лисия, несколько членов режима получили поручение арестовать богатых метеков. Писон пришёл к Лисию. Эратосфен задержал Полемарха.

Лисий попытался купить жизнь. Писон дал клятву за талант обещать спасение, но увидев сундук, забрал больше. Лисию удалось бежать.

Полемарху не удалось.

Ему не дали обычного суда. Его заставили выпить цикуту.

Семья даже испытывала трудности с погребением.

Теперь режим пал.

Эратосфен оказался перед гражданами, которым должен был объяснить: кем он был внутри Тридцати — добровольным участником, умеренным, сопротивлявшимся преступлениям, или человеком, который сегодня пытается спрятаться за коллективной ответственностью?

Начало речи

Лисий начинает почти противоположно обычному обвинителю.

Обычно обвинитель объясняет, почему у него есть причина ненавидеть подсудимого.

Здесь причина настолько очевидна, что он может позволить себе риторический перевод:

не мне нужно объяснять, почему я обвиняю вас; им нужно объяснить, почему они ненавидели весь город настолько, что сделали с ним это.

Речь Лисия — литературная передача

Афиняне!

В других процессах обвинитель может бояться, что ему не хватит материала.

В этом деле моя трудность обратная.

Я не знаю, с чего начать и где остановиться.

Преступлений так много, что одно обвинение теснит другое.

Я не был человеком, который всю жизнь искал конфликт с Эратосфеном. До власти Тридцати наша семья жила спокойно. Отец поселился здесь, растил сыновей, платил, работал, помогал городу.

Мы не знали, что наступит день, когда богатство станет доказательством виновности.

«Они хотели казнить и зарабатывать одновременно»

Тридцать нуждались в деньгах.

Поэтому нашлось удобное решение: объявить, что некоторые метеки нелояльны, наказывать их — и забрать имущество.

Как прекрасно соединяется нравственность с грабежом, если закон находится в руках грабителя.

Они могли говорить: «Мы очищаем город».

А сундуки тем временем переходили к ним.

Писон в моём доме

Писон пришёл ко мне.

Я спросил: можно ли спастись деньгами?

Он дал понять, что можно.

Я предложил талант.

Он поклялся спасти меня.

Я поверил.

Потом он увидел мой сундук.

И в этот момент цена человеческой жизни изменилась.

Люди, которые пришли якобы ради государства, смотрели уже не на мою политическую опасность.

Они смотрели на серебро.

Мне удалось бежать.

Полемарх

Мой брат не бежал.

Эратосфен встретил его и арестовал.

Сегодня он может сказать:

— Я исполнял распоряжение.

Но кто, если не конкретные люди, составляет режим?

Если каждый из Тридцати скажет: «Решили другие», если каждый исполнитель скажет: «Приказали сверху», где тогда находится преступление?

В воздухе?

Государственное убийство всегда совершается конкретными руками.

Одной из этих рук был Эратосфен.

Допрос Эратосфена

Лисий делает то, что необычайно оживляет текст: задаёт подсудимому короткие вопросы.

— Ты арестовал Полемарха?

— Да.

— Делал это по приказу?

— Да.

— Считал ли приказ несправедливым?

Эратосфен пытается показать себя человеком, сопротивлявшимся худшему внутри режима.

И тогда ловушка закрывается.

Если приказ справедлив — он признаёт убеждение.

Если приказ несправедлив — почему исполнил?

«Я был умеренным»

Главная линия Эратосфена, насколько можно восстановить, состояла в том, что он принадлежал к более умеренной части Тридцати и не одобрял крайности Крития и его сторонников.

Лисий отвечает:

Умеренность не измеряется тем, насколько преступник был мягче другого преступника.

Человек не становится невиновным потому, что рядом находился кто-то хуже.

Если ты был против — где сопротивление?

Кого спас?

От какого приказа отказался?

Какую власть покинул?

Когда рискнул собой ради закона?

Коллективная вина и личное действие

Лисий не хочет позволить процессу раствориться в общей истории Тридцати.

Он возвращает суд к Полемарху.

Вот человек.

Вот арест.

Вот исполнитель.

Вот смерть.

Политическая система объясняет преступление, но не должна поглотить персональную ответственность.

Память города

Затем речь расширяется.

Тридцать убивали без суда.

Изгоняли.

Конфисковывали.

Ссорили граждан.

Превращали страх в административный инструмент.

И Лисий заставляет судей увидеть: процесс Эратосфена — не просто частная месть брата.

Это вопрос о том, может ли восстановленная демократия дать правовую оценку прошлой тирании, не превратившись сама в тиранию.

Опасная граница амнистии

Афины после гражданской войны приняли амнистию. Именно поэтому обвинителю приходится действовать осторожно: нельзя просто наказать каждого, кто оказался на проигравшей стороне.

Лисий строит моральный аргумент так, чтобы исключительность преступлений Тридцати перевешивала обычное требование забыть прошлое.

Амнистия защищает гражданский мир.

Но она не должна становиться наградой человеку, который собственными руками совершал действие, за которое способен отвечать по установленной процедуре.

Финал

Афиняне!

Я потерял брата.

Но если бы дело касалось только моей семьи, оно не требовало бы столько слов.

Перед вами человек, который был частью власти, научившей город бояться собственного дома.

Если он скажет: «Я был не худшим», спросите, достаточно ли этого.

Если скажет: «Я исполнял приказ», спросите, законен ли приказ, отнимающий жизнь без суда.

Если скажет: «Я был против», спросите, почему его действие совпало с волей тех, против кого он якобы выступал.

Не мстите.

Но и не превращайте слово «умеренность» в путь от ответственности.

Мастерство

Это одна из лучших речей об ответственности исполнителя внутри преступной власти. Лисий использует личную историю, но не остаётся в ней. Он поднимает дело от смерти одного брата до нравственного устройства государства.

Особенно силён допрос: короткий вопрос способен разрушить длинную самохарактеристику подсудимого.

ГЛАВА XIV. ДОНОСЧИК АГОРАТ

Лисий. «Против Агората»

Время: около 400—398 гг. до н. э.

Кто говорит: родственник Дионисодора, одного из погибших.

Кто написал: Лисий.

Суть: Агорат обвиняется в том, что его донос привёл к аресту и гибели граждан в последние месяцы Пелопоннесской войны и накануне власти Тридцати.

Убийство без меча

В этой главе никто не утверждает, что Агорат лично проткнул Дионисодора копьём или поднёс ему яд.

Обвинение строится на другом:

слово способно быть орудием убийства, если человек сознательно даёт ложный донос власти, которая на основании доноса арестует и уничтожит людей.

Это новое развитие темы, начатой в деле об отравлении мачехой: правовая ответственность может идти от непосредственного исполнителя к человеку, который создал причинную цепь.

Исторический фон

Афины проигрывают войну. В городе политический кризис. Одни граждане пытаются сохранить демократию, другие готовы к олигархическому перевороту, третьи думают прежде всего о мире со Спартой.

В такой атмосфере донос особенно опасен. В спокойном государстве ложное обвинение может быть проверено. В государстве на грани переворота оно способно сразу стать списком будущих жертв.

Речь обвинения

Афиняне!

Агорат будет говорить, что никого не убивал.

Поэтому начнём с вопроса:

кто является причиной смерти — только тот, кто наносит последний удар?

Если человек сознательно указывает палачу невиновного, понимая, что с ним сделают, способен ли он потом сказать: «Мои руки чисты»?

Руки — возможно.

Но право судит не только руки.

Донос

Агорат назвал людей.

Эти люди были арестованы.

Среди них — Дионисодор.

Они оказались в руках власти в момент, когда город уже терял нормальные гарантии.

Агорат должен был понимать последствия.

Он не бросал слова в пустоту.

Он говорил тем, кто имел тюрьму, вооружённых людей и политический интерес устранить противников.

«Меня заставили»

Защита могла ссылаться на давление: Агорат оказался в опасности, его принуждали, он пытался спасти собственную жизнь.

Обвинитель отвечает морально жёстко:

страх способен объяснить слабость, но не превращает заведомую ложь о другом человеке в правду.

Особенно если обвиняемый не просто повторил то, что от него требовали, а назвал множество людей и участвовал в создании обвинительного материала.

Кто получил выгоду

Следите за тем, кому после доноса стало лучше.

Погибли другие.

Агорат выжил.

Человек, который покупает собственную безопасность чужими именами, не может затем представить выживание как доказательство невиновности.

Последние слова Дионисодора

Речь использует память погибшего. Перед смертью человек оставляет родственникам обязанность добиваться наказания.

Лисий превращает частный наказ в гражданский долг:

если семья забудет, город как будто согласится с тем, что доносчик может переждать политическую эпоху, а затем войти в новую жизнь без ответа за старые слова.

Амнистия снова

Но снова возникает тонкость 403 года.

Новая демократия не хотела бесконечного преследования за гражданскую войну. Значит, обвинению нужно юридически привязать действие Агората к процедуре, которая допускает преследование, и показать, что он не просто политический противник, которому мстят.

Лисий снова демонстрирует важный принцип: после диктатуры судебная речь обязана быть сильной, но не должна превращать суд в продолжение политической расправы.

Финал

Если человек понимает, что его слова отдадут другого смерти, и всё же сознательно проносит ложь, расстояние между его ртом и местом казни не очищает его от ответственности.

Не каждый убийца держит меч.

Иногда оружием становится имя.

Урок

В современном праве мы сказали бы о подстрекательстве, пособничестве, причинной связи, заведомо ложном доносе и предвидении последствий. Лисий не пользуется этими категориями, но строит ту же нравственную лестницу.

Главная техника — **вернуть действие посредника в центр результата.**

ГЛАВА XV. ХЛЕБ, ЦЕНА И СТРАХ ГОЛОДА

Лисий. «Против хлебных торговцев»

Время: точная дата неизвестна; возможно около 390 г. до н. э.

Кто говорит: обвинитель.

Кто написал: Лисий.

Суть: торговцев зерном обвиняют в нарушении правил закупки и наживе на рынке жизненно важного продукта.

Почему зерно было политикой

Аттика не могла полностью кормить себя собственным хлебом. Значительная часть зерна прибывала морем. Любая война, блокада, слух о плохом урожае или задержка кораблей сразу превращали рынок в вопрос безопасности.

Поэтому торговля зерном регулировалась строже многих других товаров.

Для современного читателя дело неожиданно близко: дефицит, закупка больших партий, ограничение прибыли, панические ожидания, подозрение в сговоре.

Речь обвинителя

Афиняне!

Если бы перед вами были люди, продавшие слишком дорогую красивую ткань, спор касался бы роскоши.

Но они торговали хлебом.

Человек может прожить без новой ткани.

Без хлеба — нет.

Поэтому закон ограничивает не их труд, а возможность использовать общий страх как источник чрезмерной прибыли.

«Мы покупали много ради вас»

Торговцы будут говорить:

— Мы закупали крупные партии, чтобы в городе было больше зерна.

Очень удобная благотворительность.

Если действия действительно совершались ради граждан, почему цена росла?

Почему каждый слух о несчастье становился поводом продавать дороже?

Почему хорошие новости для города оказывались плохими новостями для торговца, потому что уменьшали его прибыль?

Психология дефицита

В обычный день торговец продаёт товар.

В день страха он продаёт ещё и тревогу.

Покупатель платит не только за зерно, но и за мысль: «Завтра его не будет».

Если продавец сам усиливает эту мысль, скрывает запасы или объединяется с другими, рынок перестаёт быть свободным обменом и превращается в управление чужим страхом.

Закон и прибыль

Я не обвиняю человека в том, что он хочет заработать.

Закон допускает прибыль.

Но он устанавливает предел там, где товар необходим всему городу.

Значит, спор не о том, должны ли торговцы работать бесплатно.

Спор о том, имеют ли они право превратить общественную опасность в частный праздник доходов.

Свидетели и собственные слова

Особенно сильный приём обвинения — использование объяснений самих торговцев. Если они признают крупные закупки, но оправдывают их интересом потребителей, обвинитель соглашается с фактом и атакует мотив.

Это полезная техника: не обязательно опровергать признанное действие. Иногда достаточно показать, что объяснение действия несовместимо с последствиями.

Финал

Город кормят не речи.

Его кормит зерно.

Именно поэтому тот, кто получает возможность распоряжаться хлебом тысяч людей, получает не только право на прибыль, но и обязанность перед законом.

Не позволяйте человеку продавать вам собственный страх.

Урок

Короткая речь Лисия показывает искусство публичного обвинения без излишней патетики. Здесь не нужна трагедия. Достаточно связать техническое нарушение с понятным жизненным последствием: цена хлеба в доме каждого судьи.

ГЛАВА XVI. БЕДНЫЙ ИНВАЛИД ПРОТИВ БДИТЕЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА

Лисий. «О лишении пособия»

Время: начало IV века до н. э.

Кто говорит: бедный афинянин с физическим ограничением.

Кто написал: Лисий.

Суть: противник требует лишить его небольшого государственного пособия, утверждая, что он недостаточно беден или недостаточно немощен, поскольку ездит верхом и занимается ремеслом.

Маленькое дело, большое мастерство

Здесь нет смерти, тирании, государственной измены или наследства в талант.

Есть небольшая выплата бедному человеку.

И именно поэтому эта речь особенно важна. Великое красноречие определяется не только способностью возвысить большое дело. Иногда оно состоит в том, чтобы не раздавить маленькое дело лишним пафосом.

Лисий выбирает иронию.

Речь инвалида

Афиняне!

Мой противник, кажется, знает обо мне удивительно много.

По его словам, я одновременно слишком здоров, чтобы получать помощь, и слишком беден, чтобы вызывать уважение.

Давайте разберёмся.

Мой отец не оставил мне имущества.

Мать, которую я поддерживал, умерла.

Детей, которые могли бы содержать меня в старости, у меня нет.

Я занимаюсь ремеслом, но оно приносит немного и даётся мне трудно.

Государственное пособие не делает меня богатым.

Оно делает мою бедность менее опасной.

«Он ездит верхом»

Главное доказательство моего роскошного существования — я иногда езжу верхом.

Это прекрасное обвинение.

Если бы мои ноги позволяли мне ходить так же легко, как моему противнику, я охотно отказался бы от этого «признака богатства».

Я пользуюсь лошастью не потому, что веду жизнь аристократа, а потому, что тело не всегда позволяет мне передвигаться иначе.

Получается странный вывод:

если инвалид сидит дома — он достоин помощи;

если пытается двигаться и жить — это доказывает, что помощи не достоин.

«Он слишком деятельный»

Мне ставят в вину, что я работаю.

Но что вы предпочитаете?

Чтобы человек, получающий небольшое пособие, вовсе перестал трудиться?

Чтобы государство наказывало бедного за попытку сохранить самостоятельность?

Пособие существует не для того, чтобы сделать человека беспомощным.

Оно существует потому, что его возможности ограничены.

Характер обвинителя

Мой противник наблюдает за мной с усердием, достойным лучшего применения.

Он знает, на чём я езжу.

Где бываю.

Как зарабатываю.

Может быть, скоро он расскажет, сколько чаш воды я выпиваю утром.

Но государство должно спрашивать не о его любопытстве.

Оно должно спрашивать: соответствую ли я условиям помощи?

Ирония как защита достоинства

Обратите внимание: говорящий не просит жалеть себя на каждом шагу.

Он шутит.

Это чрезвычайно важно.

Человек, который только умоляет, рискует предстать слабым объектом милости.

Человек, который способен иронизировать, сохраняет субъектность и достоинство.

Лисий даёт своему клиенту голос, который говорит:

«Да, я беден. Да, у меня физические ограничения. Но я не обязан становиться униженным, чтобы доказать право на помощь».

Финал

Не лишайте меня малого потому, что я пытаюсь сделать с этим малым больше.

Если государство помогает только тем, кто уже полностью сломлен, оно будет поощрять беспомощность.

Я работаю настолько, насколько могу.

Передвигаюсь так, как могу.

Живу настолько самостоятельно, насколько могу.

И именно поэтому небольшая помощь имеет смысл.

Урок

Это одна из лучших древних речей о **правильном тоне защиты уязвимого человека**. Не превращать клиента в жалкую фигуру. Не спорить агрессивно с очевидной бедностью. Использовать самоиронию и здравый смысл.

Для современного адвоката важна формула: **достоинство сильнее жалости**.

ГЛАВА XVII. ОПЕКУН, КОТОРЫЙ ПОКАЗАЛ ДЕТЯМ СЧЕТА ВМЕСТО НАСЛЕДСТВА

Лисий. «Против Диогитона»

Время: начало IV века до н. э.

Кто говорит: родственник детей, выступающий против их опекуна Диогитона.

Кто написал: Лисий.

Суть: после смерти отца дети переданы близкому родственнику-опекуну; спустя годы оказывается, что значительная часть состояния исчезла, а опекун объясняет это расходами на содержание.

Самое страшное нарушение доверия

Чужой человек может обмануть.

Это преступление.

Но когда имущество ребёнка доверено ближайшему родственнику, в основе отношений лежит не только закон.

Умиравший отец должен верить, что после смерти его дети не станут добычей того, кому он их поручил.

Поэтому Лисий строит дело не только как бухгалтерский спор.

Он говорит: если такое поведение допустимо, человек больше не сможет доверить детей даже родне.

Смерть отца

Диодот отправляется в военный поход и понимает риск. Он передаёт средства и заботу о детях Диогитону — близкому родственнику семьи.

После смерти отца дети ещё малы.

Опекун управляет состоянием.

Проходят годы.

Когда старший достигает возраста, в котором должен получить имущество, ему показывают расчёты.

Деньги почти исчезли.

Речь

Афиняне!

В этом деле трудно решить, чему удивляться больше: размеру исчезнувшего имущества или уверенности человека, который считает, что достаточно показать длинный список расходов и этим заменить деньги детей.

Отец доверил ему не чужих людей.

Собственных родственников.

Маленьких детей, которые не могли считать, проверять и требовать отчёта.

Именно беспомощность детей создавала повышенную обязанность опекуна.

Он превратил её в преимущество для себя.

Арифметика

Теперь мы должны считать.

Сколько получил Диогитон?

Какое имущество было у отца?

Какие доходы оно приносило?

Какие расходы действительно требовались для содержания детей?

И сколько он утверждает, что потратил?

Лисий намеренно соединяет эмоцию и бухгалтерию.

Одна без другой слабее.

Если только плакать о сиротах, опекун ответит цифрами.

Если только считать, суд забудет, почему эти деньги были особенно защищены нравственно.

Расходы на праздники

Опекун включает в отчёт тысячи драхм расходов на праздники, жертвы и содержание.

Обвинитель спрашивает:

неужели детей передали ему затем, чтобы он однажды вместо наследства передал им счёт за собственное опекунство?

Расход должен быть не только записан.

Он должен быть разумным, необходимым и подтверждённым.

Голос матери

Самая сильная часть речи — рассказ о матери детей.

Женщина, которая в обычном афинском суде сама публично говорить не должна, получает голос через Лисия и мужчину-оратора.

Она обращается к Диогитону как к родственнику и обвиняет его не юридическим языком, а языком семьи:

как ты мог смотреть на детей человека, который доверял тебе, и лишать их того, что отец оставил?

Почему чужой человек оказался бы для них безопаснее собственного деда или дяди?

Эмоциональный эффект огромен именно потому, что до этого судьи уже слышали цифры.

Слёзы появляются после арифметики, а не вместо неё.

Репутация доверия

Если опекун может обращаться с имуществом так, вся система семейного попечения становится подозрительной.

Умиравший человек будет бояться не только смерти.

Он будет бояться того, что близкий, которому он поручит детей, окажется их главным кредитором и главным должником одновременно.

Финал

Верните детям не милость.

Верните то, что принадлежало им ещё тогда, когда они были слишком малы, чтобы произнести слово «моё».

Опекун получил власть потому, что дети были слабы.

Не позволяйте ему сделать эту слабость источником прибыли.

Урок

«Против Диогитона» — школа сочетания **счёта и нравственного возмущения**. Хороший имущественный процесс не должен утонуть ни в таблицах, ни в эмоциях. Лисий сначала доказывает, потом заставляет почувствовать значение доказанного.

ГЛАВА XVIII. ДОСТОИН ЛИ ЧЕЛОВЕК СТАТЬ ЧЛЕНОМ СОВЕТА

Лисий. «Против Филона»

Время: после восстановления демократии, начало IV века до н. э.

Кто говорит: член Совета, выступающий против утверждения кандидатуры Филона.

Кто написал: Лисий.

Суть: не обычный уголовный процесс, а проверка пригодности гражданина к государственной должности — докимасия.

Закон спрашивает не только: «что ты сделал?»

При проверке кандидата на должность Афины могли рассматривать его гражданское происхождение, исполнение обязанностей, отношение к государству.

Филона обвиняют не в том, что он совершил конкретное убийство или кражу. Главный вопрос нравственно-политический:

где он был, когда демократия нуждалась в гражданах?

Во время борьбы с Тридцатью многие рисковали жизнью. Филон, по версии обвинения, старался держаться в стороне, заботясь о собственной безопасности и имуществе.

Речь

Афиняне!

В частной жизни человек может сказать: я никому не обязан быть героем.

Но тот, кто хочет войти в Совет и участвовать в управлении всеми, должен показать, что в момент общей опасности считал себя частью города.

Филон поступил иначе.

Когда граждане выбирали сторону, он выбрал себя.

Когда одни сражались за возвращение демократии, он старался находиться там, где меньше риска.

Сегодня опасность прошла.

И он готов служить государству.

Удобное время для гражданской доблести.

Нейтралитет

Филон может сказать:

— Я не помогал Тридцати.

Но достаточно ли для должности доказать, что ты не был активным врагом города?

Член Совета получает доверие не потому, что минимально не предал.

Он должен быть человеком, способным поставить общее выше собственного комфорта.

Поступок и должность

Важно не смешивать два вопроса.

Если Филон не совершил преступления, это не значит, что его нужно наказывать.

Но отказ в должности — не уголовное наказание.

Государство вправе требовать от тех, кому доверяет власть, более высокой меры поведения, чем от человека, который просто хочет жить частной жизнью.

Опасность ретроспективной морали

Здесь речь Лисия одновременно сильна и опасна.

После победы всегда легче обвинять тех, кто не рисковал вместе с победителями.

Современный читатель должен спросить:

насколько справедливо требовать героизма задним числом?

Не превращается ли проверка пригодности в политическую чистку?

Именно поэтому глава полезна: хорошее красноречие может служить не только справедливости. Оно способно сделать моральное осуждение почти равным юридическому доказательству.

Финал

Не лишайте Филона гражданства.

Не отнимайте его имущество.

Но не доверяйте ему власть над теми, кого он не счёл нужным поддержать, когда власть была опасна.

Урок

Судебный оратор всегда должен понимать **стандарт решения**. Для уголовного приговора требуется одно. Для допуска к должности — другое. Нельзя механически переносить презумпции из одной процедуры в другую.

ГЛАВА XIX. ЗАВЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ УМЕРШИЙ ХОТЕЛ ОТМЕНИТЬ

Исей. «О наследстве Клеонима»

Время: приблизительно 360—353 гг. до н. э.

Кто говорит: один из племянников Клеонима.

Кто написал: Исей.

Суть: существует формально действительное завещание в пользу более дальних родственников, но ближайшие племянники утверждают, что оно было составлено во время семейной ссоры и позднее умерший хотел его отменить.

Сильное завещание и слабое дело

У клиента Исея серьёзная проблема.

Против него существует документ.

Завещание не спрятано в сомнительном сундуке. Его существование подтверждено; оно было передано на хранение надлежащим образом. Отрицать сам факт завещания почти невозможно.

Значит, логографу нужно сделать более сложное:

признать документ и разрушить его значение как выражение последней воли умершего.

Это один из самых современных приёмов всей книги. Иногда сторона проигрывает не потому, что документ поддельный, а потому, что документ больше не отражает реальное намерение того, кто его создал.

Семья

Клеоним не имел детей. У него были племянники — сыновья его брата. По обычной логике близкого родства именно они могли ожидать наследства.

Но возник семейный конфликт с их опекуном Динием. Племянники были ещё молоды. Клеоним сердился на взрослого, который управлял их делами, и составил завещание в пользу других родственников.

Проходят годы.

Конфликт ослабевает.

Племянники взрослеют.

Отношения с дядей восстанавливаются.

По их версии, в последнюю болезнь Клеоним хотел уничтожить прежнее завещание и изменить распоряжение, но не успел завершить формальность.

Речь

Афиняне!

Наши противники начнут с документа.

И я тоже начну с него.

Да, завещание существует.

Мы не станем унижать суд ложью о том, что вы всё равно сможете проверить.

Но вопрос не только в том, писал ли Клеоним этот текст когда-то.

Вопрос:

хотел ли он, чтобы этот текст распоряжался имуществом в день его смерти?

Почему возникло завещание

Посмотрите на время его создания.

Мы были детьми.

Нашим имуществом управлял Диний.

Клеоним враждовал не с нами как с самостоятельными мужчинами, а с человеком, который стоял между ним и нами.

Он боялся, что если умрёт тогда, имущество фактически окажется под влиянием врага.

Поэтому составил завещание.

Это объясняет документ.

Но объяснить возникновение завещания — ещё не значит доказать его вечную волю.

Что произошло потом

Мы выросли.

Опека закончилась.

Причина старой ссоры исчезла.

Клеоним снова принимал нас как близких.

Мы бывали у него.

Заботились.

Он доверял нам дела.

Если бы он действительно хотел навсегда исключить нас из семьи, зачем восстановил отношения?

Последняя болезнь

В последние дни он просил принести документ.

Для чего?

Чтобы ещё раз полюбоваться старой обидой?

Чтобы торжественно подтвердить её?

Нет.

Он хотел изменить то, что сделал много лет назад.

Смерть оказалась быстрее формальности.

Противники скажут: пока документ не уничтожен, он действует.

Юридически это сильный довод.

Но судья должен решить, служит ли формальность воле или уничтожает волю.

Близость родства

Мы — не случайные люди, появившиеся после смерти.

Если бы завещания не было, закон поставил бы нас ближе многих других претендентов.

Это важно не потому, что родство автоматически отменяет письменную волю.

А потому, что когда сама письменная воля сомнительна как последняя, законная степень близости помогает понять естественный порядок вещей.

Ловушка для противников

Их положение тоже говорит против них.

Если они действительно были теми людьми, которых Клеоним предпочитал нам до конца жизни, почему последние отношения умершего выглядели иначе?

Почему люди, названные в старом документе, сегодня опираются почти только на буквы, тогда как наша сторона может показать живую близость последних лет?

Финал

Завещание заслуживает уважения потому, что выражает волю человека.

Но если вы убедитесь, что человек хотел от него отказаться, тогда уважение к документу вопреки воле станет не уважением, а издевательством над самой причиной существования завещаний.

Не спрашивайте только: «Что он написал когда-то?»

Спросите: «Чего он хотел в конце?»

Урок Исея

Клиент не может победить, отрицая сильное доказательство. Исей делает другое: **переносит спор с подлинности документа на его актуальность**.

Это школа обращения с плохим фактом. Лучший ответ на сильный документ иногда начинается словами: «Да, документ существует».

ГЛАВА XX. УСЫНОВЛЁННЫЙ СЫН

Исей. «О наследстве Менекла»

Время: около 354 г. до н. э.

Кто говорит: сторона, защищающая действительность усыновления и наследственные права приёмного сына.

Кто написал: Исей.

Суть: после смерти бездетного Менекла родственники пытаются оспорить усыновление, утверждая, что оно было неправильным или не отражало настоящей воли умершего.

Зачем афинянину сын

Для современного человека усыновление обычно связано прежде всего с семьёй и воспитанием ребёнка.

В Афинах оно имело ещё одну сильную функцию: продолжение *ойкоса* — дома, рода, семейного культа и имущественной линии.

Бездетный мужчина рисковал оставить после смерти не только имущество без наследника, но и семейные религиозные обязанности без продолжателя.

Поэтому вопрос «кого он сделал сыном?» имел одновременно частное, имущественное и сакральное значение.

Менекл

Менекл был женат, но детей не имел. Его семейные отношения, развод и последующее усыновление становятся частью наследственного спора.

Противники после смерти утверждают, что приёмный сын не должен наследовать.

Исею нужно доказать не только формальность усыновления.

Ему нужно показать **разумность** этого решения.

Если судья понимает, зачем Менеклу понадобился сын, юридическая конструкция становится человечески естественной.

Речь

Афиняне!

Когда живой человек принимает решение о своём доме, а после его смерти родственники объявляют решение бессмысленным, у мёртвого есть одна проблема:

он не может встать рядом с нами и объяснить себя.

Поэтому суд должен особенно внимательно смотреть на то, что человек делал при жизни.

Менекл хотел, чтобы его дом продолжался.

Он не имел собственных детей.

Он усыновил сына.

Это не было тайной операцией, совершённой за день до смерти нездоровым стариком.

Это было решение, согласующееся со всей его семейной ситуацией.

Отношения после усыновления

Приёмный сын не появился только у наследственного имущества.

Он был рядом раньше.

Он исполнял обязанности сына.

Общество видело отношения.

Семейные действия подтверждали их.

Если человек в течение жизни относится к другому как к сыну, а после смерти дальний родственник говорит: «Он не настоящий сын», суд должен спросить, чьё представление о семье важнее — умершего или позднего претендента.

Закон и цель

Закон об усыновлении существует не для создания пустой формулы.

Он даёт бездетному человеку возможность продолжить дом.

Если все существенные действия совершены, нельзя лишить институт смысла, потому что после смерти появилась сторона, которой выгоднее считать умершего бездетным.

Похороны и культ

Кто исполнил сыновние обязанности после смерти?

Кто позаботился о погребении?

Кто продолжает почитание?

Для афинянина эти вопросы не отделены от наследства. Собственность и обязанность переходят вместе.

Наследник получает не только дом.

Он получает место умершего в непрерывности семьи.

Контратака

Противники будут говорить о крови.

Но именно закон об усыновлении существует потому, что иногда юридическое сыновство создаётся не рождением.

Если усыновлённого всегда можно победить простой фразой «он не кровный», усыновления как института нет.

Финал

Не позволяйте родственникам признать Менекла способным выбирать сына при жизни и неспособным сделать этот выбор обязательным после смерти.

Иначе право усыновить будет правом без последствия.

Урок

Исею особенно хорошо удаётся **показать функцию нормы**. Он не только цитирует правило, но объясняет, зачем оно существует. Для современного судебного оратора это сильная техника толкования: суд легче принимает правовую конструкцию, когда видит социальную задачу, которую она решает.

ГЛАВА XXI. БЫЛА ЛИ У КИРОНА ДОЧЬ?

Исей. «О наследстве Кирона»

Время: точная дата неизвестна; вероятно первая половина IV века до н. э., иногда речь относят примерно к 375 г.

Кто говорит: внук Кирона по дочери.

Кто написал: Исей.

Суть: противники отрицают, что мать говорящего была законной дочерью Кирона; от этого зависят не только наследство, но и статус её сыновей.

Дело, которое нужно доказывать семейными праздниками

Как доказать существование законной дочери спустя годы?

Свидетельства о рождении могли быть совсем не такими, как современные реестры. Исей собирает доказательства из жизни:

приданое;

два брака;

свадебные пиры;

принятие детей в семейные и гражданские группы;

религиозные праздники;

участие в жертвоприношении Зевсу Ктесию;

похороны бабушки;

поведение противников до начала спора.

Это почти образцовая глава о **совокупности косвенных доказательств**.

Речь

Афиняне!

Наши противники говорят вещь, которая была бы удивительна каждому, кто знал семью при жизни Кирона.

Они говорят: нашей матери почти не существовало в том качестве, в каком весь дом признавал её десятилетиями.

Она не была законной дочерью.

Мы не законные внуки.

И всё это обнаружилось только после смерти человека, который мог бы одним предложением закончить спор.

Приданое

Кирон выдал дочь замуж.

Он дал приданое.

После смерти первого мужа снова принял её в дом и выдал замуж второй раз, снова обеспечив брачный союз.

Зачем человеку дважды вести себя как отец, если женщина не его дочь?

Приданое — не просто деньги.

Это публичное семейное действие, известное родственникам и окружению.

Праздники

Мы приходили к деду.

Он приглашал нас на праздники.

Мы сидели рядом на зрелищах.

Мы участвовали в семейных обрядах.

Особенно важно жертвоприношение Зевсу Ктесию, хранителю домашнего имущества. К такому обряду Кирон не приглашал посторонних.

Мы участвовали.

Он молился о нашем здоровье и благополучии.

Если мы были детьми чужой женщины, почему он вводил нас туда, где семейная граница особенно священна?

Фратрия и гражданская жизнь

Наш отец представил нас в установленном порядке как детей законной афинянки.

Люди, имевшие возможность возразить, не возражали.

Женщины общины выбирали нашу мать для религиозных обязанностей.

Такое признание не создаёт истину само по себе, но показывает: версия противников не была известной семейной «тайной». Она появляется тогда, когда появляется наследство.

Рабы как носители домашней памяти

Исею нужен ещё один слой доказательств.

Кто лучше домашних рабов мог знать, жила ли дочь в доме, какие браки совершались, какие приготовления делались?

Говорящий предлагает передать рабов для испытания под пыткой — метод, который мы не можем оценивать иначе чем как жестокий, но который афинское судебное сознание рассматривало как возможный способ получить их сведения.

Противники отказываются.

Исею этого достаточно, чтобы сказать:

если вы уверены, что домашняя история выдумана, почему избегаете тех, кто наблюдал её изнутри?

Похороны

После смерти Кирона говорящий приходит за телом, собираясь провести похороны.

И что делают противники?

Не говорят: «Кто ты такой? Ты не родственник».

Они обсуждают с ним организацию и расходы.

Он участвует в погребальных обрядах.

Лишь затем, когда речь идёт об имуществе, родство становится «сомнительным».

Это один из сильнейших видов косвенного доказательства:

что человек делал до того, как понял юридическую выгоду иной версии?

Право родства

После фактической части Исей переходит к закону.

Дочь ближе к отцу, чем брат.

Дети дочери являются прямыми потомками.

Противник — сын брата, боковая линия.

Говорящий формулирует почти наглядную родословную прямо перед судьями.

Не всякий судья хорошо запомнит сложную норму.

Но каждый поймёт вопрос:

кто ближе — внук умершего через его дочь или племянник через брата?

Финал

Моя мать была дочерью Кирона не потому, что сегодня я так называю её ради денег.

Она была дочерью в его доме.

В двух браках.

В приданом.

На праздниках.

В семейной жертве.

В признании общины.

В наших детских отношениях с дедом.

В его похоронах.

Только после смерти Кирона противники пытаются стереть женщину из семьи, потому что вместе с ней хотят стереть нас из наследства.

Не позволяйте им переписать жизнь умершего после того, как он уже не может возразить.

Урок

«О наследстве Кирона» — учебник работы с **мозаикой доказательств**. Ни один элемент не решает дело один. Но множество независимых бытовых, религиозных, имущественных и публичных обстоятельств создаёт устойчивую картину.

Для адвоката это правило особенно важно в старых делах: когда прямой документ утрачен, биография отношений может стать документом сама.

ГЛАВА XXII. ЮНОША ПРОТИВ ОПЕКУНОВ

Демосфен. «Против Афоба»

Время: 363 г. до н. э.

Кто говорит: молодой Демосфен сам.

Кто написал: Демосфен — это его собственное дело и одно из первых больших судебных испытаний.

Ответчик: Афоб, один из трёх опекунов.

Суть: Демосфен утверждает, что после ранней смерти отца опекуны растратили или присвоили значительную часть состояния.

Начало великого оратора — не на Пниксе, а в семейной бухгалтерии

Демосфену около семи лет, когда умирает отец.

Отец оставляет значительное имущество: производственные мастерские, рабов, денежные средства и другие активы. Назначены три опекуна.

Когда Демосфен достигает совершеннолетия, состояние, по его словам, почти исчезло.

Он требует отчёта.

Получает сопротивление.

И начинает учиться говорить, потому что без речи не сможет вернуть собственное наследство.

Это важнейшая биографическая точка всей серии: один из величайших ораторов мира пришёл к красноречию из необходимости защищать себя.

Сколько оставил отец

Демосфен строит дело как финансовое расследование.

Какие мастерские существовали?

Сколько рабов работало?

Какова стоимость?

Какой доход они должны были приносить?

Какие деньги были выданы в долг?

Что было поручено каждому опекуну?

Затем он сравнивает:

что должно было сохраниться — и что ему фактически передали.

Речь молодого Демосфена

Афиняне!

Мне тяжело говорить против людей, которых мой отец выбрал именно потому, что доверял им больше других.

Но в этом и заключается тяжесть их поступка.

Чужой вор крадёт имущество.

Плохой опекун крадёт ещё и доверие умершего.

Мой отец не мог остаться рядом и проверить их.

Он передал им детей и состояние, полагая, что его смерть не станет для них возможностью обогатиться.

Опись наследства

Посчитаем.

Не приблизительно.

Не словами «много» и «мало».
По отдельным частям.
Вот мастерская ножей и мечей.
Вот мастерская кроватей.
Вот рабы.
Вот денежные требования.
Вот наличные средства.
Вот имущество матери и приданое.
Если каждую часть оценить даже осторожно, возникает сумма, несравнимая с тем, что мне передали.

Опекуны могут спорить о цене одной вещи.

Но чтобы исчезло почти всё, им придётся объяснить десятки исчезновений одновременно.

Где доход

Даже если предположить, что имущество не увеличивалось, оно приносило доход.

Рабы работали.

Мастерские производили.

Капитал мог давать проценты.

Годы опеки — это не пустое время.

Поэтому вопрос не только «где основной капитал?»

Вопрос «где плоды капитала?»

Когда управляющий получает доход много лет, недостаточно в конце вернуть часть имущества и сделать вид, что время ничего не стоило.

Манипуляции

Афоб будет ссылаться на расходы.

На выплаты.

На долги.

На обязательства отца.

Но именно поэтому я требую не общей фразы, а последовательного счёта.

Расход имеет дату.

Получателя.

Причину.

Если всё это существует — покажите.

Репутация молодого истца

Противнику удобно сказать:

— Юноша не понимает дел отца. Его научили предъявлять огромные требования.

Демосфен отвечает самой структурой речи.

Он должен звучать не как обиженный ребёнок, а как человек, который разобрал бухгалтерию лучше опекуна.

Это судебное взросление происходит прямо перед судьями.

Обязанность опекуна

Опекун не получает обычный коммерческий риск.

Он управляет чужим имуществом для человека, который не способен себя защитить.

Поэтому всякая неясность должна рассматриваться особенно строго.

Если управляющий собственными деньгами потерял их — это его беда.

Если опекун «потерял» деньги ребёнка, он обязан объяснить каждую существенную потерю.

Финал

Мой отец умер, думая, что оставляет мне состояние и людей, которые его сохраняют.

Если бы он знал, что после его смерти мне придётся судиться с теми, кого он назначил защищать меня, возможно, последняя тревога его жизни была бы страшнее самой смерти.

Верните мне не чужое.

Верните то, что было моим ещё тогда, когда я был слишком мал, чтобы его защищать.

Исход

Демосфен добился решения против Афоба на крупную сумму, традиционно десять талантов, хотя вернуть всё фактически оказалось трудно и последовали новые процессы.

Урок

Главная техника — **разложить большую потерю на проверяемые части**. Когда ответчик хочет растворить исчезновение капитала в годах управления, истец возвращает суд к отдельным активам и доходам.

Это также первая глава о Демосфене как человеке: будущий политический оратор появляется из молодого истца, вынужденного сделать цифры убедительными на слух.

ГЛАВА XXIII. ИЗБИЕНИЕ НА АГОРЕ И КРИК ПЕТУХА

Демосфен. «Против Конона»

Время: середина IV века до н. э.

Кто говорит: Аристон, молодой афинянин.

Кто написал: речь входит в корпус Демосфена и обычно считается его произведением.

Суть: частный иск о жестоком избиении; потерпевший сознательно выбирает менее тяжёлую гражданско-частную процедуру, хотя друзья считали возможными более суровые обвинения.

Сначала лагерь, потом агора

Вражда началась во время военной службы.

Аристон и сыновья Конона находились рядом. Молодые люди пьянствовали, издевались, вступали в конфликты. Аристон жаловался начальству.

Прошло время.

Однажды вечером Аристон гулял на агоре с другом.

Сын Конона Ктесий увидел его, был пьян и побежал за своей компанией.

Вернулись отец, сын и другие мужчины.

Началось избиение.

Речь Аристона

Афиняне!

После того, что сделал со мной Конон, мои близкие советовали обвинить его куда тяжелее.

Они говорили о публичном преступлении, об оскорбительном насилии, даже о процедурах, которые могли привести к гораздо более суровым последствиям.

Я выбрал частный иск.

Не потому, что случившееся было лёгким.

А потому, что не хочу казаться человеком, который превращает личную драку в политическую казнь.

Уже этим Демосфен создаёт этос умеренности.

Нападение

Меня сбили.

Били ногами и руками.

Разорвали губу так, что её пришлось сшивать.

Глаза заплыли.

Я некоторое время не мог подняться и говорить.

Врачи и родственники не были уверены, что я выживу.

Но самым унижительным были не только удары.

Когда я лежал, Конон начал изображать победившего петуха — кукарекать и хлопать себя руками по бокам, а его спутники смеялись.

Эта деталь становится центром речи.

Почему?

Потому что она превращает «обычную драку» в *hybris* — сознательное унижение.

Будущая защита: «молодые люди дерутся»

Аристон предугадывает, что Конон попробует представить всё как обычное буйство молодых компаний.

Есть люди, говорит он, которые называют себя насмешливыми прозвищами, устраивают пьянки и считают любую жестокость шуткой.

Но закон не исчезает от того, что насилие называют игрой.

Если группа бьёт человека почти до смерти, крик петуха после этого не делает происшествие веселее.

Он делает его хуже.

Свидетельства

Демосфен уделяет внимание времени заявления, врачам, людям, которые видели состояние Аристона, и поведению противников на арбитраже.

Потерпевший показывает: версия возникла не позже ради суда. Пока он ещё не знал, выживет ли, он называл Конона и его сына виновниками.

Раннее сообщение особенно ценно, потому что сделано до формирования сложной судебной стратегии.

Возможная контратака

Конон мог утверждать, что конфликт был взаимным, что его сын прежде пострадал от Аристона, что компания потерпевшего сама провоцировала столкновения.

Аристон отвечает:

даже если раньше между молодыми людьми были ссоры, это не оправдывает организованное нападение спустя время.

Прежняя неприязнь может объяснить мотив.

Она не превращает избиение в закон.

Клятва

К концу речи Аристон усиливает личную достоверность готовностью дать торжественную клятву о том, что именно пережил.

Для современного читателя это не заменит доказательства.

Для древней аудитории религиозный риск ложной клятвы имел самостоятельный психологический вес.

Финал

Не позволяйте взрослому человеку говорить:

«Мы просто веселились»,

когда его веселье оставляет другого между жизнью и смертью.

Название, которое человек даёт своему поступку, не меняет поступок.

Урок

Демосфен показывает силу **одной незабываемой детали**. Судья может забыть число ударов и имена всех свидетелей. Но он запомнит взрослого мужчину, кукарекающего над избитым человеком.

Сильная судебная речь часто нуждается в образе, который сжимает нравственный смысл дела в одну сцену.

ГЛАВА XXIV. ПОЩЁЧИНА НА ПРАЗДНИКЕ ДИОНИСА

Демосфен. «Против Мидия»

Время: события относятся к 354 г. до н. э.; речь составлена около 353 г.

Кто говорит: Демосфен сам.

Кто написал: Демосфен.

Особенность: речь, вероятно, не была произнесена в дошедшей форме; дело, по всей видимости, было урегулировано до окончательного судебного выступления. Это необходимо прямо отмечать в книге.

Суть: Мидий ударил Демосфена во время Великих Дионисий, когда тот исполнял обязанности хорега.

Один удар, который Демосфен превращает в дело о государстве

Если описать факт коротко, он почти мелок рядом с убийствами предыдущих глав: один состоятельный афинянин ударил другого.

Но место и время меняют всё.

Великие Дионисии — религиозный и гражданский праздник. Демосфен выступает как хорег, исполняющий общественную литургию. Насилие происходит публично, в контексте священного праздника.

Демосфен строит речь так, чтобы судьи увидели не частную пощёчину.

Он хочет доказать **hybris** — оскорбительное насилие, которое демонстрирует презрение не только к конкретному человеку, но и к равенству граждан перед законом.

Предыстория

Бражда между Мидием и Демосфеном началась раньше, в том числе вокруг процессов против опекунов.

Мидий богат, влиятелен, привык давить.

Демосфен собирает множество эпизодов, чтобы доказать: удар на празднике не случайная вспышка.

Это кульминация характера.

Речь

Афиняне!

Если бы Мидий ударил меня в тёмном переулке после личной ссоры, это было бы преступлением против меня.

Но он ударил хорега во время праздника, перед гражданами, тогда, когда я выполнял общественную обязанность.

Он хотел показать не только, что сильнее.

Он хотел показать, что ему можно больше.

Вот сущность *hybris*.

Богатство как источник безнаказанности

Мидий рассчитывает не на невиновность.

Он рассчитывает на влияние.

У богатого человека есть друзья.

Связи.

Возможность затягивать процессы.

Возможность заставить бедного противника подумать: «Лучше отступить».

Но если закон становится строг только для тех, у кого нет влиятельных друзей, это уже не закон.

Удар и достоинство

Кто-то скажет:

— Разве одна пощёчина стоит такой речи?

Именно эта реакция помогает Мидию.

Физическая боль прошла быстро.

Унижение направлено дальше.

Он ударил так, чтобы видели другие.

Насилие было демонстрацией статуса: «Я могу сделать это с тобой на глазах у всех».

Поэтому размер раны не измеряет размер правонарушения.

Праздник

Религиозный праздник создаёт особый общественный мир. Граждане временно откладывают повседневные конфликты. Хоры готовятся за частные средства ради общего торжества.

Нападение на хорега нарушает не только личный покой.

Оно вторгает частную вражду в общее священное пространство.

Демосфен использует этот аргумент, чтобы поднять дело от частного к публичному.

История Мидия

Затем появляются другие конфликты подсудимого.

Оратор хочет, чтобы судьи увидели привычку: человек снова и снова использует богатство, наглость, давление.

Здесь возникает опасность судебной риторики: когда текущего факта мало, очень легко превратить процесс в суд над всей жизнью человека.

Демосфен делает это искусно, но современный юрист должен видеть границу допустимости подобного характера доказательств.

«Если вы простите богатому...»

Речь обращается к социальной психологии судей.

Бедный гражданин не может содержать частную охрану.

Он защищён законом.

Если закон не защищает его от богатого, равенство исчезает.

Наказание Мидия нужно представить не как подарок Демосфену, а как сигнал каждому гражданину: общественное положение не покупает право унижать.

Почему речь могла не прозвучать

Источники и исследовательская традиция связывают дело с последующим урегулированием. Часто сообщается, что Демосфен отказался от окончательного преследования, возможно получив тридцать мин, хотя мотив и детали оспариваются.

Для нашей книги это чрезвычайно интересно.

Перед нами может быть великий судебный текст, который никогда не прозвучал именно так перед судьями.

Следовательно, «сохранившаяся речь» и «реально произнесённая речь» — не всегда одно и то же.

Мастерство

Демосфен строит одну из главных формул публичной защиты достоинства:

некоторые преступления измеряются не телесным ущербом, а посланием, которое насилие отправляет обществу.

Современный аналог легко увидеть в делах, где унижение совершается публично, демонстративно, с использованием власти или статуса.

Урок

- Место и контекст способны изменить юридический смысл одного и того же физического действия.
- Не всегда тяжесть дела равна тяжести травмы.
- Характер подсудимого можно использовать как объяснение события, но нельзя позволять ему заменить доказательство события.
- Не всякая написанная древняя речь действительно была произнесена.

ГЛАВА XXV

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯВШИЙ ПРАВО ГОВОРИТЬ, ОБВИНЯТЬ ДРУГИХ?

Эсхин. «Против Тимарха»

Время: 346/345 г. до н. э.

Место: Афины.

Кто говорит: Эсхин — обвинитель, лично.

Кто написал речь: Эсхин сам составлял и произносил собственные политико-судебные выступления.

Противная сторона: Тимарх; его защитительная речь не сохранилась.

Суть дела: имел ли Тимарх право выступать перед народом и участвовать в публичной политической жизни, если его прежнее поведение подпадало под основания атимии — лишения части гражданских прав?

До процесса

Несколькими годами ранее Афины посылали посольства к Филиппу Македонскому. В составе одного из них находились и Демосфен, и Эсхин. После заключения Филократова мира отношения между двумя ораторами превратились во вражду. Демосфен готовился обвинить Эсхина в недобросовестном исполнении обязанностей посла. К нему присоединился Тимарх.

Эсхин ответил неожиданно.

Он не стал сразу защищать собственное поведение в Македонии. Он атаковал одного из обвинителей и поставил вопрос: **имеет ли Тимарх вообще законное право выступать перед народом?**

В современном процессе это выглядело бы почти как предварительная атака на процессуальную дееспособность обвинителя. Но в Афинах вопрос был связан не только с процедурой. Он касался самой идеи гражданской чести.

Закон и нравы

Афинская демократия давала гражданину необычайно широкое право говорить. На народном собрании глашатай спрашивал, кто желает выступить. Но свобода слова не мыслилась абсолютно отвязанной от гражданского статуса. Некоторые поступки могли лишить человека права выступать и занимать публичные должности.

Эсхин утверждал, что Тимарх растратил наследственное имущество, вёл жизнь, несовместимую с достоинством гражданина, и в молодости за вознаграждение вступал в отношения, которые по афинскому праву могли повлечь запрет на публичные выступления.

Для современного читателя эта часть афинского законодательства чужда и во многом неприемлема. В книге важно не переносить древние моральные нормы в настоящее. Нас интересует другое: **как обвинитель доказывает поступки, по которым почти нет прямых документов и свидетелей договора?**

Клепсидра

Служитель начинает отсчёт воды.

Точный лимит данного выступления нам неизвестен. В больших публичных процессах речи могли быть значительно длиннее коротких частных выступлений. Поэтому не будем придумывать число минут.

Эсхин начинает не с Тимарха.

Он начинает с закона.

СОХРАНИВШАЯСЯ РЕЧЬ ОБВИНИТЕЛЯ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕДАЧА

Афиняне!

Наш город справедливо гордится свободой слова. Но предки понимали: право советовать народу требует хотя бы некоторого уважения к самому народу и к законам.

Поэтому они не запретили говорить бедному.

Не запретили говорить человеку незнатного происхождения.

Не потребовали от оратора богатства.

Они установили другие границы — связанные с тем, как гражданин обращается с родителями, исполняет воинский долг, хранит собственное имущество и живёт как член общины.

Тимарх хочет обвинять других в нарушении долга перед государством.

Но прежде спросите: сохранил ли он сам право становиться учителем государства?

Я не прошу вас судить человеческую слабость вообще. Я прошу применить закон к человеку, который сам решил выйти на политическую сцену и обвинять других.

Доказательство без расписки

Самая сложная часть дела — предполагаемые отношения Тимарха в молодости.

Эсхин прекрасно понимает: он не предъявит судьям расписку с подписью «получил деньги за такое-то действие». Подобные сделки, если существовали, не оформлялись так, чтобы оставить удобное доказательство будущему обвинителю.

Поэтому он строит дело из поведения.

Кто содержал Тимарха?

Где он жил?

Почему переходил из одного дома в другой?

Кто оплачивал его расходы?

Как выглядел его образ жизни при отсутствии достаточного собственного дохода?

Обвинитель собирает не один факт, а сеть обстоятельств.

И делает вывод:

— Если прямого договора нет именно потому, что договор постыден и скрыт, суд должен смотреть на жизнь человека целиком.

Опасность такого метода

Это чрезвычайно сильная и чрезвычайно опасная риторика.

Если образ жизни становится доказательством конкретного события, обвинитель получает почти неограниченную свободу.

Богатый знакомый превращается в «покупателя».

Проживание в чужом доме — в доказательство сделки.

Расточительность — в косвенное подтверждение источника денег.

Слухи — в фон, на котором каждое нейтральное обстоятельство выглядит подозрительно.

Современный защитник немедленно спросил бы:

какой именно факт доказывается каждым конкретным доказательством?

Но Эсхин работает прежде всего с гражданским жури, которое хорошо знает городскую молву.

Наследство

Вторая линия — имущество.

Эсхин изображает Тимарха человеком, который получил состояние и растратил его. Для афинянина это не просто финансовая неудача. Дом, земля, семейные культы и имущество свя-

зывают поколения. Человек получает от предков не только деньги, но и обязанность передать дом дальше.

Поэтому расточительность превращается в политический аргумент:

— Тот, кто не сумел управлять собственным домом, хочет управлять городом.

Это классическая риторическая формула, которая переживёт античность на тысячелетия.

Будущая защита

Эсхин заранее представляет, что ему ответят.

— Вы не видели сделки.

— Вы опираетесь на сплетни.

— Вы нападаете на прошлую частную жизнь человека, чтобы спасти себя от будущего обвинения.

И поэтому он пытается ещё до выступления Тимарха изменить бремя психологического доказательства:

— Весь город знает то, что произошло; не требуйте от меня невозможной бумаги на тайную сделку.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЗИЦИИ ЗАЩИТЫ

Речь Тимарха не сохранилась. Поэтому дальше — только осторожная реконструкция возможных возражений.

Афиняне!

Эсхин говорит о законах, но судит меня слухом.

Где человек, который скажет: «Я заплатил Тимарху»?

Где свидетель передачи денег?

Где определённое место и определённое событие, а не перечисление домов, знакомых и разговоров?

Если политического противника можно лишить голоса по распространённой молве, свобода слова будет принадлежать не гражданам, а тем, кто громче распространяет обвинение.

Эсхин боится дела о посольстве.

Поэтому вместо ответа на вопросы о собственном поведении он хочет заставить замолчать одного из тех, кто собирается их задать.

Не позволяйте предварительному процессу заменить настоящий.

Что делает Эсхин после предполагаемой защиты

Он возвращает дело к статусу.

Его важнейшая мысль:

это не наказание за частную жизнь как таковую; это вопрос о том, вправе ли человек с таким прошлым осуществлять публичное право речи.

Именно такой поворот делает обвинение юридически оформленным.

Итог

Тимарх, по античной традиции, проиграл дело и утратил возможность полноценно участвовать в публичной политической жизни.

Для Эсхина это была стратегическая победа: один из его будущих обвинителей был устранён до процесса о посольстве.

Но Демосфен остался.

Через несколько лет он всё-таки приведёт Эсхина в суд.

Мастерская оратора

В речи «Против Тимарха» особенно важны пять приёмов.

Первый — выбрать поле боя. Эсхин не ждёт, пока его обвинят. Он атакует процессуальную и гражданскую способность будущего обвинителя.

Второй — заменить отсутствующий прямой документ совокупностью обстоятельств.

Третий — связать частную биографию с публичной функцией.

Четвёртый — заранее произнести возражения защиты и дать на них ответ.

Пятый — превратить репутацию в доказательственный фон. Это эффективно, но именно здесь риторика особенно легко становится несправедливой.

Урок современному адвокату

Репутация может влиять на восприятие суда, но она не должна незаметно заменить доказательство конкретного факта.

Если противник строит дело из биографии, защитнику нужно раскладывать рассказ обратно на элементы:

— дата; — место; — конкретное действие; — конкретный свидетель; — источник его знания; — правовое значение действия.

Как только общий образ снова превращается в отдельные доказательства, магия риторического портрета ослабевает.

ГЛАВА XXVI

ПОСОЛ, КОТОРОГО ОБВИНИЛИ В ПРОДАЖЕ ГОРОДА

Демосфен против Эсхина. Дело о ложном посольстве

Время процесса: 343 г. до н. э.

Исторический фон: последствия Филократова мира с Филиппом II Македонским.

Обвинитель: Демосфен, говорит лично и сам составляет свою речь.

Подсудимый: Эсхин, говорит лично и сам составляет защиту.

Особенность: сохранились большие речи **обеих сторон**. Это один из драгоценнейших случаев всей книги: мы можем услышать реальное обвинение и реальную защиту одного процесса.

Когда дипломатия становится уголовным делом

В дипломатии редко существует один момент, который можно положить на стол как окровавленный меч.

Решение складывается из встреч.

Задержек.

Слов.

Обещаний.

Маршрутов.

Неотправленных сообщений.

Слишком долгих разговоров.

И именно поэтому обвинить посла в предательстве чрезвычайно трудно.

Демосфен утверждает: Эсхин, исполняя обязанности посла при дворе Филиппа, действовал не в интересах Афин. Он затягивал действия, вводил граждан в заблуждение и, вероятно, был подкуплен.

Эсхин отвечает:

— Я исполнял решения города. Демосфен сам участвовал в тех же посольствах. Теперь он задним числом превращает политическую неудачу в уголовное преступление.

До суда

Филипп Македонский укреплял власть на севере Греции.

Афины воевали с ним, но одновременно искали мир.

Посольства должны были обсуждать условия договора и принимать присяги.

В дипломатическом деле время иногда важнее армий.

Пока послы едут, ждут, спорят и возвращаются, войска продолжают движение.

Филипп получил возможность действовать в Фокиде и Фракии прежде, чем афинская дипломатия завершила необходимые формальности.

Демосфен позже превратит **задержку** в центральное доказательство.

Клепсидра

Это большой публичный процесс.

Мы не знаем безопасно восстанавливаемого точного числа минут каждого из этих конкретных выступлений, поэтому цифру не придумываем.

Но принцип остаётся тем же: пока течёт вода, оратор обязан превратить годы дипломатии в понятную последовательность.

Первым говорит Демосфен.

РЕЧЬ ОБВИНЕНИЯ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕДАЧА

Афиняне!

Есть преступления, которые человек совершает рукой.

А есть преступления, совершаемые временем.

Если посол сознательно заставляет город опоздать туда, где каждая неделя решает судьбу союзников, его оружием становится задержка.

Я обвиняю Эсхина не потому, что мир оказался неудачным.

Политическое решение может оказаться ошибочным без преступления.

Я обвиняю его потому, что действия посла не соответствовали тому, что он обязан был делать для Афин.

«Смотрите не на слова после события»

Сегодня Эсхин расскажет вам, как трудно было вести переговоры.

Как менялись обстоятельства.

Как невозможно было предвидеть действия Филиппа.

Но судите не по объяснениям, созданным после того, как результат стал известен.

Смотрите на поступки тогда, когда решения ещё могли изменить судьбу города.

Почему посольство задерживалось?

Почему мы не направились быстрее туда, где должны были получить присягу?

Почему гражданам сообщали одно, когда обстоятельства уже становились другими?

Кто выигрывал от времени?

Не Афины.

Филипп.

Обещания Филиппа

Одно из обвинений Демосфена строится на том, что Эсхин представлял царя перед афинянами в более благоприятном свете, чем позволяли обстоятельства.

Посол, утверждает Демосфен, должен сообщать городу правду, а не становиться распространителем чужих обещаний.

— Если правитель обещает одно, а делает другое, ошибка возможна один раз. Но когда посол продолжает убеждать граждан верить обещаниям после появления противоположных действий, возникает вопрос: чей интерес он представляет?

Подкуп

Самая тяжёлая часть — деньги.

Доказать подкуп посла трудно.

Нет расписки Филиппа.

Нет свидетеля, который спокойно рассказывает о передаче денег.

Поэтому Демосфен вновь обращается к поведению:

— Как объяснить последовательность решений, каждое из которых оказывается выгодным Македонии?

Но здесь обвинение уязвимо.

Совпадение политического решения с интересом иностранного государства ещё не доказывает взятку.

Эсхин именно здесь будет особенно силён.

«Мы были в одном посольстве»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.